

ПЕТР

КАТЕРИНИЧЕВ

LEX TALIONIS

игра теней

ELECTION
MORTU
IN CAMP

Петр Владимирович Катериничев

Игра теней

Серия «Дрон», книга 3

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134585

Игра теней: Центрполиграф; М.; 2003

ISBN 5-9524-0581-9

Аннотация

Россия проигрывает, Россия сдает позиции, но по-прежнему Россия – крепкий орешек для всех разведок мира. Действуя по принципу – войну надо объявлять, когда она проиграна противником, западные спецслужбы нацелились очень высоко. Их задача – посадить на пост президента марионетку. Предотвратить этот тайный заговор предстоит аналитику Олегу Дронову. А на чаше весов с одной стороны – долг, честь, совесть и будущее страны, с другой – собственная жизнь и счастье близких.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	48
Глава 5	67
Глава 6	84
Глава 7	100
Глава 8	120
Глава 9	137
Глава 10	153
Глава 11	168
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Петр Катериничев

Игра теней

Дрон – 3

События, составляющие сюжет романа, являются в основном вымышленными.

Совпадение имен, названий, наименований, времени и места действия считать случайными.

Петр Катериничев

Глава 1

МОСКВА, РОССИЯ

Машина мягко шуршит шинами по асфальту. Скорость огромная. Раннее утро, улицы почти пусты, чисто вымыты, и спящий еще город кажется нежилым. Солнце едва касается свежей зелени скверов, бежит по стеклам домов, заливает светом площади, проспекты, бесконечную череду улочек и переулков... А небо бережно и невесомо укрывает громадный город прозрачным куполом...

Москва видится в этот час такой, какой была когда-то – может быть, тридцать, может быть, сто, может быть, триста

лет назад...

...А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу...

Мужчина, сидящий в салоне бронированного представительского лимузина, тихонько, незаметно для себя, напевает эту мелодию. Он плотен, крепок и, должно быть, очень силен. На вид ему за пятьдесят, но может быть, и больше. Он выглядит уставшим, очень уставшим. По крайней мере, не таким, каким его привыкли видеть многие.

...Бывает все на свете хорошо, В чем дело – сразу не поймешь. А просто летний дождь прошел...

Мужчина прикрывает глаза, на какое-то мгновение все мысли, тревоги ушли, исчезли, растворились, осталась только эта мелодия... Но так продолжалось недолго, совсем недолго. А жаль...

Нет, такой, как в том фильме, Москва не будет уже никогда. Полной чистых улиц, наивных и светлых людей... Или – это просто старость?.. И прошлое вспоминается вовсе не таким, каким оно было, а таким, каким нам хочется видеть его теперь...

Впрочем, воспоминания таковы в любом возрасте. Человек помнит лишь то, что ему хочется помнить, и так, как ему приятнее... Или – нужнее?..

...Есть только миг между прошлым и будущим, Именно

он называется жизнь...

Красивая песня... Вот только...

Чтобы выжить в настоящем, человеку нужно иметь опору. Такую, прочнее которой нет. В самом себе. Так что мигом, даже самым неповторимым, не обойдешься... Наша жизнь, кроме мига существования, состоит из прекрасного прошлого и блестящего будущего... Каким бы ни было это прошлое на самом деле и чем бы ни обернулось будущее...

Наверное, так.

Не жить, чтобы выжить, а выживать, чтобы жить.

Жаль только, что пройтись запросто по Москве, даже очень ранним утром, ему уже сложно... Может, когда-нибудь... Остается верить, что это «когда-нибудь» все же наступит.

Просто степень нашей свободы зависит от степени и меры нашей ответственности. Приобретая большую ответственность, а с нею и власть, мы приобретаем и большую свободу – по крайней мере в том, что раньше было нам абсолютно недоступно. Теряя при этом свободу прежнюю. Чаще всего – навсегда.

Да... Самая полная свобода – это свобода юности, ее девиз – беззаботность.

Понять и оценить это мы можем позднее, много позднее, и ищем повторений или даже иллюзий повторений... И-не находим.

...А я иду, шагаю по Москве, И я пройти еще смогу...

Мужчина помнил Москву разной. Помнил важной, полной черных лакированных «ЗИМов», развозящих упитанных партийцев в одинаковых синих двубортных костюмах с широкими лацканами... Сам он тогда ходил зимой и летом в единственных, купленных по случаю черных офицерских ботинках, в широченных штанах на щегольском ремешке, в тенниске на шнуровке... Весело шурился на солнце, в компании запросто опрокидывал единым духом «малиновский» стакан «Московской», которую по привычке называли «казенкой», отламывал от полбуханки ржаного – единственной закуски на всех... В обед запросто «подметал» две тарелки жиденьких столовских щей, экономя на втором, и вылезал из-за стола с чувством легкого голода...

А может, так и стоило жить – с чувством легкого голода?.. Нет.

Он хорошо помнил голод своего детства, – настоящий.

И еще войну. То есть не самую войну, он помнил усталотоскливые от ожидания глаза женщин... И еще помнил лес, куда возил на санях для заготовщиков, для тех же баб, кирпичики тяжелого черного хлеба... И еще – письма... И – похоронки...

Сначала ездил с дедом Афониным, а как тот помер – так один... Сколько ему тогда было?.. Лет шесть или семь?.. Но он был мужик...

И еще он помнил, как замерзал, вывернув ногу в какой-то барсучьей яме...

Или – засыпал?.. Снился ему тогда горячий черный хлеб, но не «кирпичики», а настоящий – душистый, с поджаристой коркой, с вязкой пахучей мякотью...

Как его нашли, он не помнил. Только ощущение жара – когда лежал на полке в крохотной баньке, а мать укутывала в тулуп и несла в избу...

В семидесятые Москва стала другой. Как и он сам. Как и люди вокруг. Хотя...

Времена меняются, а люди?..

Было в той Москве что-то странное, неуловимое... словно на некоем коротком отрезке – времен или судеб – встретились вдруг люди прошлого и люди теперешние...

Москву называли тогда столицей дряхлеющей империи, и она вправду походила на истекающий соком спелый ананас – немного с гнильцой, но оттого еще слаще...

...Еще до старта далеко, далеко, далеко, Но проснулась Москва, Посредине праздника, посреди зимы...

Вылизанные машины так же плавно, как и в начале шестидесятых, скоро и значимо мчались по осевой Ленинского проспекта, но в них сидели другие люди... А в актовом зале, изнывая от дикой скуки и полной бездарности происходящего, томились на комсомольских собраниях уже совсем другие.

«Говори что положено и делай что хочешь!» – девиз времени. Иногда создавалось впечатление, что люди просто придумали неумную игру... Забыли уже зачем, но правила

соблюдали. На всякий случай. Соблюдали и те, кто скучал в залах, и те, кто припухал в президиумах. Самое глупое и непонятное заключалось в том, что все понимали – игра условна, никому не нужна... Вот только нарушение правил каралось по-серьезному и безо всяких скидок Нет, чаще не тюрьмой и не этапом – человек просто вычеркивался из системы: он мог пить водку, жаловаться друзьям на власть – под бутылочку «Русской» и любительскую колбаску на семиметровой кухне... А утром, с мешками под глазами, с привычным тоскливым ощущением похмелья, необходимо было идти на никому не нужную, но обязательную работу...

Спивались люди, и какие люди! Ведь пьянство – это вовсе не болезнь, просто протест человека, пусть дикий и саморазрушительный, против невозможности реализации в существующих условиях... Хотя... Как там выражался старик Маркс в «Тезисах о Фейербахе»? «Раньше философы объясняли мир, дело же состоит в том, чтобы изменить его». Изменить мир?..

Мужчина усмехнулся. С этого и начинается превращение бредовых галлюцинаций в «реалии», или, как любили выражаться, – «претворение в жизнь». Без ее согласия. Люди издавна страдают маниакальным сомнением, впрочем давно известным как гордыня. Первым из смертных грехов, порождающим все остальные: зависть, ненависть злобу, предательство... Изменить мир невозможно, а вот изменить себя и тем самым условия своего существования в мире необхо-

димо.

Для обретения достоинства. Человек, обладающий этим – самым важным – качеством, не может поступиться честью ни в какой ситуации – ему есть что терять. Самого себя. Человек, обладающий достоинством, уважает его в других, а значит, не может причинять зло... Разве есть что-то важнее этого?..

...Еще до старта далеко, далеко, далеко, Но проснулась Москва...

Как выяснилось, вовсе не так далеко было до старта... Странно, но одни считают семьдесят лет социализма временем, безвозвратно и бездарно растраченным для России, временем потерянным, никаким; другие записали великую страну в «подопытные кролики» мирового сообщества: дескать, русские нужны как раз для того, чтобы показать «цивилизованным странам» и их обитателям, как не надо делать. И раньше, и теперь, и в будущем... Не страна даже, а нечто среднее между «мальчиком для битья» и «козликом отпущения»... Инкриминируя русским изначальное безволие, зависимость, подчинение...

Странно, но Запад, даже прочитав (или – пролистав?) Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, так ничего и не понял в России, за неимением лучшего придумав термин «загадочная русская душа», подразумевая под этим все, что угодно: безалаберность, непредсказуемость, удаль – все, кроме целеустремленности и воли. И огромные разме-

ры созданной и сохраненной державы, и достижение русскими высот мысли и духа приписываются чему угодно: случаю, тирании властей, рабской покорности – всему, кроме главного...

Исключительная сила духа, воля и целеустремленность в достижении поставленных целей, стойкость и бесстрашие – вот главные черты русского характера, характера крутого и неуступчивого, характера скрытного...

«Рубаха-парень», «душа нараспашку» – не очень умные определения, подходящие к отдельным людям, да и то в определенных ситуациях, пошли «гулять сами по себе», и русские охотно и активно поддержали приписанный им образ... А все потому, что очень нам нравится удивлять, потому что, слава Богу, сами удивляться так и не разучились...

«Петро, ты что в сарай-то залез?» «Да так, мастерю...» «А чего?» «Табуретку для тещи...» «Чтобы сидеть, или как?» «И то и то...»

Мужчина улыбнулся. Он хорошо помнил, какой шок в мире вызвал запуск русскими первого спутника. Так и писали с заглавной буквы – Спутник. И еще он помнил чувство гордости – словно это он сам забросил блестящий металлический шар в невиданные высоты...

Да, жили скудно и невесело... И можно сейчас говорить: лучше бы мини-пекарни строили или сыродельни... На кой нужно было? Тут то, чего никогда не поймут люди западные: «А хрен с ним, с сыром, наедемся мы еще сыру-то, зато это

мой Спутник, и никто никогда его у меня уже не отнимет!»

Ну а что до семидесяти лет социализма... Да, в тех условиях многое сделать было нельзя — но можно было думать. Вся не востребованная энергия вкладывалась внутрь, в размышление и постижение... А население образовывалось. Если спросить, каков главный итог семидесяти лет социализма для России? Как ни странно, ответ лежит на поверхности, и ответ положительный: мы являемся самой образованной страной в мире! Наши бедные, загнанные жизнью и проблемами люди тем не менее за семь лет прочли и переработали весь культурный опыт, накопленный западной цивилизацией за семьдесят! Где еще вы встретите таксиста, читавшего Ницше и Фрейда, медсестру, знающую всего Шекспира и Данте... Да, конечно, если не в России, то в Париже, Лос-Анджелесе или Сиднее, но из наших!

Могут спросить: зачем это нужно, когда жизнь нищенская, когда квартирки больше похожи на клетки — в них можно только ночевать, но не жить, когда еда по-прежнему скудна и малодоступна?.. Когда придет время действия, читать и образовываться будет просто некогда... А кажущиеся ничемными и ненужными знания вдруг обретут новое качество, ибо дадут их обладателям возможность мыслить и думать парадоксально... И — побеждать!

Как там у Пушкина?

...И опыт, сын ошибок трудных, И гений, парадоксов друг...

Чего-чего, а опыта России не занимать... Да и гений приложится...

Мужчина снова улыбнулся, представив, сколько спорщиков он «завел» бы последней фразой, произнеся ее публично и вслух... Какой-нибудь борзописец в тот же день тиснул бы статейку с заковыченным заголовком:

«Гений – имя прилагательное»... Ну и о содержании ее тоже догадаться несложно...

А ведь это же очевидно: гений сам по себе, без людей, ничего не значит и ничего не стоит. Даже в том случае, если люди и не подозревают о гениальности человека и, даже наоборот, считают его «ходячей придурью» и «ошибкой природы», сам-то он знает точно, что существует, мыслит, живет для людей. Людей нужно любить для них, а не для себя, любить, ничего не требуя взамен...

Машина выехала за кольцевую. Она двигалась без сопровождения, ну да это шоссе было закрытым в такой час, а неожиданный встречный многотонный грузовой кран ни с того ни с сего на подобной дороге не появляется... Мужчина улыбнулся даже, вспомнив беспомощные объяснения в прессе гибели в автокатастрофе партийного лидера Белоруссии... Всякий экспромт хорош тогда, когда хорошо подготовлен. Мужчина сам был мастером экспромтов, во многом – непревзойденным...

Он вытащил из мини-бара бутылочку охлажденного боржоми, открыл, сделал несколько глотков...

...О чем он?.. Ну да, о России... Вполне стариковская слабость... Мужчина улыбнулся, вспомнив о своем «стариковстве». В охотку он легко пробежал десять – пятнадцать километров, очень любил плавать и весьма недурно стрелял... Но такой спортивный имидж невыгоден – ну кто в России не любит прикинуться «сиротой казанской»?..

Хм... Сейчас даже термин придумали: «новые русские». Может, и себя к ним отнести? Бредятина это все: не бывает русских «старых» или «новых», есть просто русские, те, что «долго запрягают, но быстро ездят», те, для которых «семь верст – не крюк», те, что с «царем в голове»... А в душе?

А в душе Руси – Китеж. Град вольный, непокоренный, сокрытый. Град Божий.

Автомобиль проехал несколько металлических ворот – они открывались при приближении машины; ее никто не задерживал и не проверял. Никто и «во фронт» не вытягивался при проезде: знали, пассажир этого не выносит. К тому же видимая охрана есть не что иное, как охрана протокольная, долженствующая подчеркнуть статус персоны и ее соответствие этому статусу. Охрана настоящая должна работать на «дальних подступах», оставаясь невидимой, но от этого не становясь менее действенной. Профессионализм не в том, чтобы выправить безнадежно упущенную ситуацию, а в том, чтобы такой ситуации не допустить. Азбука.

Мужчина вылез из салона, посмотрел на небо – оно постепенно мутнело от надвигающегося дневного зноя. Такой

жары по этому времени он не помнил давно.

Дождика бы теплого...

Мужчина поднялся по ступенькам крыльца, зашел в дом и направился в кабинет.

Сел за громадный письменный стол. Мельком просмотрел подготовленные бумаги, сделал несколько пометок, отложил папку. Помедлил, поднял трубку стоящего на отдельном столике телефона. Задумался на секунду... В голове мелькнула фраза Маока Катона, читанная некогда у Светония в «Жизнеописаниях»: «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым».

И еще – крутилась та самая, давняя, любимая мелодия...
«А я иду, шагаю по Москве, и я пройти еще смогу...»

Я смогу...

– Уровень «Цезарь» вызывает уровень «Стратег»...

– Стратег слушает Цезаря...

Глава 2

ЛА-ПЛАСА, ШТАТ ТЕХАС, БАЗА ВМС США

– Ваши фантазии, мистер Левин, забавны, весьма забавны. – Моложавый, коротко стриженный мужчина в форме контр-адмирала ВМС США откинулся в кресле, взял со столика высокий бокал, сделал глоток, поиграл кубиками льда. При этом он улыбался. Вернее, губы его были растянуты в улыбку, как это делают во всем мире перед объективом фотографа: «чи-и-из»... А глаза оставались серьезными и внимательными. Могли даже показаться встревоженными. Вот именно, «могли»... Кому угодно, только не Лева Левину. Контр-адмирал Джордж Макбейн был профессионалом, и сидящий напротив Левин знал это, как никто другой. Ибо являлся профессионалом сам.

– Хотел бы я, чтобы это были фантазии... – Коренастый толстячок Левин обливался потом, он чувствовал, как струйки стекают по спине и под мышками, и это беспокоило его не меньше, чем тема нынешнего разговора... Когда-то, еще в Одессе, старый Хаим Соломон, «врач-вредитель», как он сам любил представляться, говорил ему: «Лева, ваша убогая наследственность, ваша неумная активность и ваша неуме-

ренная любовь к мучному, жирному и сладкому создадут вам после сорока решительные проблемы с сердцем... Ну а если вас и не пугают проблемы с сердцем, так я вам скажу, у вас будут проблемы с женщинами... И не в смысле „они есть, а негде“, а в смысле – наоборот... Лева, оно вам надо? Лева, доставьте платоническую радость старику, не пейте на ночь крепкую водку и не кушайте котлет, даже приготовленных уважаемой мною Соней... Будьте здоровы, Лева, доставьте мне эту маленькую радость, станьте примером моим внукам... Ну?.. Боже ж мой, Лева, спрячьте немедленно эту засаленную трешку... Старый Хаим не так беден, чтобы брать с молодежи трешки... Вернете, когда разбогатеете... Хотя давайте – ждать богатства можно всю жизнь, а вот дожждаться – только после безвременной кончины... Бог с вами, Лева, разговор не о вас, у вас еще все впереди...»

Старый Хаим был прав: тогда у Левы Левина было все впереди... Но не сейчас... Сейчас – противный пот под мышками, одышка, ишиас и проблемы... К сожалению, не с женщинами...

Женщин было сколько угодно, как и денег... Вот только радости не было...

Совсем не было радости...

Лева тяжело вздохнул, даже не думая, как истолкует этот вздох Макбейн...

Или – мистер Макбейн... Или – сэр, ежели ему так нравится... Ничего, спишет на полноту...

Его раздражал этот холеный американец в чинах... Ну а если говорить чистую правду, его давно раздражали все американцы... Не люди, а так, куклы заводные.

Кукольные улыбки – «чи-и-из», кукольные дома, кукольные жены и любовницы, кукольные отношения... Чего больше всего боятся американцы? Прослыть несчастливыми... Неудачниками... Забывая даже подумать о том, что же есть настоящая удача и настоящее счастье... Вот он, Лева, потеет и думает о жизни – о той, какая она есть, и о той, какая могла бы быть... О чем думал бы контрадмирал Макбейн, если бы потел? Хе, это даже и допустить странно – чтобы Джордж Макбейн потел... Или менял вежливо-равнодушную или вежливо-улыбающуюся маску лица на какую-то другую... Тоски, разочарования, страха... Его бы не поняли ни сослуживцы, ни подчиненные, ни любовница, она же и секретарша, такая же длинноногая кукла с платиновыми волосами, как и все остальные... Лева хмыкнул...

Секс, – вот что еще серьезно интересует американцев... Причем не сам по себе даже не получаемое удовольствие, а собственная состоятельность в постели... Это не любовь – все та же дежурно-счастливая улыбка «чи-и-из» и как результат «счастье». Нет, это русское слово не подходит, лучше принятое здесь «хэппи».

Разочарованный человек – потеря для общества, нужен только «хэппи», стремящийся быть еще «хэппее»: продвигаться по службе, переехать в престижный район, завести

дом с бассейном и новую машину... А по субботам стричь лужайку, делать ртом «чи-и-из» и быть «хэппи» на всю катушку.

Вообще-то с Америкой произошел странный парадокс. Когда-то она была прибежищем авантюристов, пройдох, героев, негодяев, людей отчаянных и смелых.

Чтобы выжить и преуспеть, нужны были действия, поступки. Все новые и новые потоки эмигрантов затопляли великую американскую равнину талантом и жизненной силой, приближая вместе с тем и Великую Американскую Мечту: как всем стать богатыми и здоровыми, да еще и закрепить, обезопасить это здоровье и богатство, да иметь возможность передать их по наследству... Вечное «хэппи» и вечный «чи-и-из»... И что получилось в итоге?.. Просто отстойник для всех, желающих хорошо кушать...

– Эй, Левин... – Макбейн позвенел льдом в бокале, – мне кажется, вы...

– Жара, адмирал.

– В Израиле прохладнее?

– Когда как.

– Я порой думаю, Лев, вы тоскуете по русской зиме.

– Какая зима, адмирал... Я же одессит, а там нет зимы. Только море, солнце и свежее бочковое пиво...

– Не время предаваться воспоминаниям... Охладитесь, – Макбейн подал Левину бокал с кубиками льда, – и прокрутим все по новой.

«Легко ему говорить: прокрутим по новой». Левин чувствовал себя так, словно на голову ему надели полиэтиленовый пакет, оставив дырочку для воздуха. Только одну. И все же это лучше, чем никакой...

Адмирал Макбейн и генерал Левин беседовали в специальной комнате особняка, принадлежащего Особому отделу разведки ВМС США, которым и руководил Мак-бейн.

Ранчо Ла-Пласа, штат Техас. В это время года здесь смертельная жара...

Кондиционер выключен. Как, впрочем, и все остальные электроприборы.

Работали только защитные системы, автономные, у каждого – свои. Нет, это не означало, что Макбейн и Левин не доверяли друг другу... Доверие – понятие совсем из другого мира, в их профессии его просто не употребляли. За такую непозволительную роскошь, как доверие, некоторые платили очень дорого.

Собственной головой.

Впрочем, и его можно было себе позволить. Но только в одном случае: если все другие средства исчерпаны. В крайнем случае. В самом крайнем.

Лева Левин никак не мог для себя решить, настал ли этот момент. В нынешней ситуации он не доверял никому и ничему, даже собственной интуиции.

Разговор между адмиралом Макбейном и Левиным, шефом специального подразделения израильской военной раз-

ведки «ЛС», был строго конфиденциальным. О его содержании кураторы Левина или Макбейна могли узнать только от одного из них. Хотя сам факт встречи тайной на их уровне и в их мире не был ни для кого, но мотивировки для шефов были заготовлены основательные...

Американцев все больше беспокоило усиление влияния так называемой русской мафии как на Брайтоне, ставшем уже своеобразной базой эмигрантов из России, так и по всем Соединенным Штатам. Беспокоило скорое проникновение в те сферы бизнеса, которые считались слишком важными для национальной безопасности США, чтобы пускать в них кого бы то ни было. Беспокоили «игры» новых русских мафиози с компонентами ядерного оружия: обогащенный плутоний в контейнерах, полумифическая «красная ртуть», которой, если верить прессе, вовсе не существовало в природе, элементы сверхточного наведения ракет любого класса. Все это «добро» легко пересекало границы, таможни, страны, объявляясь вдруг в таких точках земного шара и в такое время, что у выдавших виды «волков» и «волкодавов» всех разведывательных служб мира дыбом поднимались волосы на темечке и багровели лысины...

Как поступят террористы с попавшим в их руки «товаром» не сможет просчитать ни один аналитик... Часто обладая исключительной, виртуозной техникой в подготовке и проведении отдельных акций, террористы даже не могли просчитать их последствий – ни тактических ни стратегиче-

ских. По сути дела, они были самоубийцами и притом страдали каким-то подростковым комплексом: ввязываясь в жестокую свару, подросток не видит разницы, даст он по морде или получит сам – лишь бы «напряг» снять... Ну у тех, понятно, спермотоксикоз, а у этих?

Тем не менее решительности и изобретательности таким людям не занимать. И не секрет, что все разведки мира, как и наиболее влиятельные экономические и политические лидеры, старались заполучить под свое крыло «карманную» террористическую организацию (ну а ежели не получится – то хотя бы оказывать действенное влияние на одного или нескольких лидеров, этих людей действия).

Порой удавалось разыгрывать ту или иную комбинацию целиком втемную, чаще же – лидеры террористов сами охотно и активно шли на контакт с представителями спецслужб: получали оружие, прекрасно изготовленные документы, базовые чистые счета в банках, информацию... По правде сказать, уже невозможно было понять, кто кого использует: разведки террористов или наоборот. Этакая игра в русскую рулетку, где результат не мог ни предсказать, ни просчитать никто.

Самое забавное заключалось в том, что некая террористическая группировка, к примеру исламских ортодоксов, могла состоять в контакте с кадровиком турецкой или иранской спецслужбы и руководители террористов пребывали в уверенности, что воюют не иначе как во славу ислама... В то

время как службист-кадровик в Анкаре или Тегеране тихо-нечко подрабатывал «на дядю» из разведуправления США, «дядя» же в Штатах основные средства на жизнь получал вовсе не в виде жалованья – ему платили со спецсчетов, которые находились в почти бесконтрольном распоряжении Левина.

Вот именно, почти... Лев Левин служил не идее и не людям. Он служил финансовому капиталу и отчетливо Это понимал.

Капитал. Его величество. Он не разбирает наций, идеологий, религиозных концепций... Его дело – рост. Любой ценой, любыми средствами, любыми жертвами...

Лева усмехнулся про себя: а мыслит он сейчас вполне по-марксистски... И чему удивляться? «Краткий курс истории ВКП(б)», вызубренный в юности, да еще почти в шахматном изложении, – этого уже не выбросить. Ни из памяти, ни из жизни...

Пожалуй, память и является главной составляющей нашей жизни... Порой Левину казалось, что он помнит ее всю, целиком, мгновение за мгновением... Может быть, даже со времени своего рождения в Бибииковском переулке, который так и не поменялся за все время своего существования, – менялись названия, по крайней мере трижды, суть оставалась прежней: переулок из пяти дворов жил своей, открытой друг другу и замкнутой для внешнего мира жизнью... Пока обитателей и их потомков не разметало по белу свету, пока сам

переулок не снесли подчистую за крайней ветхостью строений, а скорее – за полной теперь их ненужностью...

Левин снова тяжело вздохнул. Жара, смертельная жара... Действительно, в Израиле прохладнее...

Его семья сумела выскочить из СССР в какую-то щель, неожиданно образовавшуюся после кончины Отца Всех Народов. Лева было тогда двадцать два.

Карьера Левина в Израиле была неожиданной и скорой. Его знание России, сметливость, ум, а главное, умение предугадать события в стране, из которой он уехал, были оценены. Уже к середине семидесятых он занял в разведке место ведущего специалиста по России, потом – возглавил отдел и, наконец, создал свое подразделение «Л С» – экономическая разведка и контрразведка. Тогда многие сослуживцы Левина тихонько подсмеивались над ним: искать каналы вложения капиталов в стране, где в принципе невозможны никакие финансовые операции, кроме теневых... Тупик... И карьеру Левина тоже многие посчитали тупиковой – из-за его же собственного самодовольного упрямства...

Только не он сам.

Левин видел то, чего не видел никто из его коллег: не только будущие возможности вложения еврейского капитала в России, но и возможности вложения российского капитала в Израиле.

Стать «экспертом-регулирующим» при движении в обе стороны – что может быть прибыльнее!..

Левин хмыкнул... Это только агенты бывают «двойники» и «тройники»... Их руководители обязаны контактировать и обмениваться информацией – и делу не в ущерб, и себе хорошо...

К тому же выросший в Одессе Лева Левин так и не стал националистом и с тихой иронией относился к своим более ортодоксальным собратьям... И еще – он действительно знал русских и с тайным удовольствием наблюдал, как российские бизнесмены и банкиры буквально обувают своих масти-тых и опытных американских, немецких и даже израильских коллег... Левин знал, почему это происходит.

Какой-нибудь американец, продавец обуви в седьмом поколении, и мыслил как продавец обуви, и никак иначе: шаг вправо, шаг влево – побег, прыжок на месте – провокация. А его российский коллега, блестящий математик-теоретик, да еще и сдвинутый на стихах Тютчева, авторской песне или на чем-то похожем, начинал заниматься бизнесом по самой уважительной причине: кушать стало нечего! Но мыслил он на новой для себя ниве, как привык, и рождались парадоксы, неординарные и незаурядные решения, которые потомственные предприниматели не могли ни просчитать, ни предвидеть, ни понять...

Что касается азов любого нового дела, то и здесь постижение их бывшими советскими шло с невероятной быстротой; русские работали с ходу, словно самообучающиеся машины, при этом ничего не упуская и наращивая капитал...

Для Левина и здесь все было ясно. В СССР давали непонятное, вроде бы даже ни к чему не применимое образование, но оно было систематизированным и достаточно широким. Любой выпускник, закончив вуз, вынужден был начинать учиться специальности. Он привык учиться... Как там у Райкина?.. «Забудьте все, чему вас обучали в институте, и слушайте сюда...» У любого закончившего институт советского была образовательная база, на которую он мог впоследствии уложить любое специальное образование, будь то финансы и банковское дело, бизнес в любой сфере, разведка или контрразведка.

Ну и третье – тоже просто: привыкнув жить в мире, где закон ничего не значил и ничего не стоил, где важной была фраза «Есть мнение...» и где полуанонимный телефонный звонок мог решать вопросы и жизней, и судеб, русские просто не замечали никаких законов – ни своих, ни чужих. Писанное на бумаге правило было не для них, и, нарушив все и вся, но заработав миллионы, они легко приводили собственные нарушения в полное соответствие с законодательством... Как любят говорить американцы: «И чего не сделаешь за деньги», тем более что все юристы мира полагают, будто законы созданы как раз затем, чтобы они могли их обходить. И тем – зарабатывать себе на кусок хлеба с хорошим куском масла...

Удовольствие Лева Левин получал не только от наблюдения... Его личное состояние, которое всего семь лет назад

исчислялось пятизначной цифрой, теперь выражалось восьмизначной...

А сейчас все могло пойти прахом. И не только состояние, но и голова: слишком для многих серьезных людей в Израиле и за его пределами Левин выступил как теневой гарант их капиталовложений в России... Да и уже вложенные в экономику Израиля «быстрые», или, как их порой называют, «криминальные», деньги могли устремиться обратно в том случае, если в России примут решение об амнистии капиталов... Эта идея плавает в воздухе, время от времени тот или иной политик вспоминает о ней на том или ином официозе... Как правило, словосочетание «амнистия капиталов» маскируется словами «налоговая амнистия»... Что в лоб, что по лбу...

На самом деле это будет означать, что государство официально признает и гарантирует защиту любому капиталу, независимо от способа его первоначального накопления. Это приведет к тому, что сотни миллиардов российских «теневых» денег ринутся обратно, на родину – именно там самая дешевая и при этом самая высококвалифицированная рабочая сила, будь то заводские рабочие или ученые-генетики...

Россия сейчас решает гамлетовский вопрос – быть или не быть, – поставив его в привычном и понятном для себя ракурсе, по-ленински: «Вопрос о власти». Лева Левин отчетливо понимал, что от того, как решится этот вопрос в России, зависит будущее очень многих серьезных людей; от это-

го зависело и его собственное будущее, и скорее всего его жизнь.

Именно поэтому Лева потел и думал... Именно поэтому он вышел на личный контакт с адмиралом Макбейном: то, что у адмирала имеется похожий интерес, Левин утверждать не мог, но мог предполагать... Слишком долго и слишком пристально они наблюдали друг за другом, чтобы ошибиться...

То, что Макбейн легко принял и поддержал ложную мотивировку контакта – «борьба с терроризмом», то, что назначил встречу на своей «внеагентурной» базе, подтверждало, что Левин не ошибся. И разговор, сначала общий и осторожный, теперь шел именно по тому руслу, которое израильтянин наметил. Хотя... Его раздражал этот холеный американец в чинах. И еще – жара. Смертельная жара.

Говорят, в этом году активное солнце...

Левин чувствовал себя так, словно на голову ему надели полиэтиленовый пакет, оставив дырочку для воздуха. Только одну. И все же это лучше, чем никакой.

Левин вздохнул, сделал глоток из запотевшего бокала.

– Мистер Левин, хотите анекдот? – Адмирал Макбейн улыбался, вернее, губы его были растянуты в улыбку, как это делают во всем мире перед объективом фотографа: «чи-и-из»...

– Анекдот?

– Я просто сформулирую то, что вы изложили. Представь-

те себе этакое сообщение в советской прессе где-нибудь в середине семидесятых: «Загнивает и агонизирует антинародный режим сержанта Хулио Керамзито. Для сохранения власти диктатор пошел не только на освобождение всех политических заключенных, но и провел всеобщие демократические выборы...»

– Вы находите это забавным, адмирал?

– Но посудите сами, мистер Левин... Государственный переворот путем президентских выборов... Это же лишено здравого смысла... Как вы полагаете, генерал?

– Я полагаю, он уже начался...

– Итак...

– Да. Прокрутим по новой.

Левин вздохнул. Жара. Смертельная жара. Говорят, в этом году – активное солнце.

Глава 3

Адмирал не торопясь выбрал в коробке сигару, поднес длинную шведскую спичку, пыхнул, окутавшись невесомым голубоватым дымом:

- Итак, события покатились с Буденновска?
- Полагаю, да.
- То, что акция организована, сомнений не вызывает. Считаете, российскими спецслужбами?
- По крайней мере, они не мешали...
- Или просто прохлопали.
- Трудно поверить, что в таком активном отряде, каким является группа Дасаева, русские не имеют своего «крота»...¹.

– Всякое могло случиться: или «крот» слепым оказался, или копал не туда...

- ...или попал под тяжелый сапог.
- Хорошо, мистер Левин. По результату.
- Впервые возвышение премьера в качестве самостоятельного политика да еще в ранге «номер раз»...

Макбейн улыбнулся, хотя глаза остались абсолютно холодными.

¹ «Крот» (сленг) – агент в системе разведки или контрразведки, работающий на спецслужбу противника. Как правило, это завербованный сотрудник, а не иностранный разведчик. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Вы это серьезно?

– По крайней мере, в глазах российских граждан он выглядел как миротворец.

– Генерал, вы можете представить себе Президента Соединенных Штатов, говорящего перед телекамерами национального телевидения на всю Америку, а значит, и на весь мир, с террористом? Как там это прозвучало в устах российского премьера?.. «Дасаев, говорите громче» Любой американец воспринял бы это как национальное унижение и оскорбление; дни такого Президента как политика были бы сочтены.

– Это Россия, адмирал. Там люди жалостливы, недоверчивы к властям. Телешоу «премьер-освободитель» было разыграно красиво.

– Тем не менее Дума выразила недоверие правительству. А значит – и премьеру.

– Что еще более укрепило его позиции. В России любят гонимых.

– Да... Странная страна...

– Адмирал, знаете, как называется ваше поведение по-русски?

Макбейн недоуменно приподнял брови.

– «Прикинуться „шлангом“, „ветошью“, „веником“. – Карие глазки Левина сузились, зрачки стали жесткими, как буравчики. – „Странная страна“. – Израильтянин симитировал интонацию адмирала. – Вы ведь знаете Россию не хуже ме-

ня. Нет?

Адмирал пыхнул сигарой, скрывшись за голубым невесомым облачком, словно эсминец за дымовой завесой.

– Извините, мистер Левин. Мы, американцы, любим понятные для нас штампы.

Иногда они срываются с языка... Кто более всего выиграл от ситуации?

– Как ни странно, Президент.

– Или – его команда?

– Или – его команда. Ближний круг. По крайней мере, Дед показал, кто в доме хозяин...

– Дед?

– Так его именуют в ближнем кругу.

– Не лишено оснований...

– Да. «Отцов» в Москве много премьер, мэр...

– Да и «крестных» немало...

– А Дед – один.

– Один?.. – Светло-голубые глаза Макбейна безразлично, словно штрих лазерного прицела, уперлись в переносицу израильянина.

Холодок пробежал по спине генерала, ему вновь стало трудно дышать... Левин вспомнил, что в молодости Джордж Макбейн командовал группой морских пехотинцев во Вьетнаме... Группой особого назначения, какого – люди Левина так и не узнали.

Это был семьдесят третий или семьдесят четвертый год

– как раз перед захватом Сайгона северянами и русскими. Как записано в досье адмирала, его группа занималась «организацией и соблюдением особого режима в местах действия приказа 3846/22-а».

Что такое «приказ 3846/22-а», что означал «особый режим» и в каких районах Южного Вьетнама он вводился, чем вообще занималась немногочисленная группа будущего адмирала, этого не смогли выяснить ни высокопоставленные источники генерала Левина в Пентагоне, ни финансисты с Уоллстрит, ни люди «фирмы»², работающие на Левина, ни «архивариусы»³ – никто. От всей более чем двухлетней деятельности Макбейна во Вьетнаме осталась только вот эта самая строчка в досье, номер приказа – и все. Ни имен людей, входивших в особую группу, ни даже кличек или псевдонимов. И-ни одного свидетеля. Словно Макбейн со своей группой просто просидел два года в джунглях, никуда не высовываясь и ничего не свершая... И награжден за это «сидение» «Пурпурным сердцем» и «Бронзовой звездой»...

Лева Левин никогда непосредственно не принимал участия в силовых акциях – устранения или устрашения; домашние считали его мягким и ранимым человеком, занимающимся чем-то вроде интендантского обеспечения в армии.

² «Фирма» – обычное в среде профессионалов и газетчиков наименование ЦРУ.

³ «Архивариус» – в разведке и контрразведке «бумажный аналитик», работающий с опубликованными материалами различного назначения и данными из архивов, запасников и т. п.

И сейчас он чувствовал в сидящем напротив ту разрушительную силу, которой не обладал сам И еще – опасность. Как ни странно, именно поэтому Макбейн был выбран для исполнения той задачи, какая ему предназначалась. Но от этого контакт с адмиралом не стал для израильянина более легким или приятным. Да и последний вопрос... Левин отпил из бокала:

– В любом случае команда Президента не проиграла. Первым делом, возвратившись из Галифакса, он «подвесил» ситуацию: согласившись с решением Думы, мог легко отправить в отставку правительство вместе с набравшим популярность премьером, «Газпромом» и «его домом», с другой стороны – наоборот: распустить парламентариев без выходного пособия... Дума пригрозила Президенту импичментом. По российской Конституции...

– Бросьте, генерал. Мы с вами действительно знаем эту страну. Когда это Россия жила по конституциям? Любая угроза парламента для русского «царя» – это как, – Макбейн чуть прищурился, вспоминая, – да, лай собаки Моськи на Слона...

– Вы правы, мистер Макбейн. Конституция русских написана «под царя», и Президент использовал возникшую ситуацию на всю катушку: сменил директора ФСБ и министра внутренних дел, руководителя службы охраны Российской Федерации. Еще более возвышен руководитель Службы безопасности Президента – он получил генерал-лейтенанта, и

тогда же подписан указ, по которому глава президентской администрации уже не может иметь на эту службу никакого влияния... Кроме того, господин Доржаков работает над созданием частей национальной гвардии, которые будут размещены по всей стране с подчинением ему же... Адмирал, вас не пугает столь резкое усиление влияния одного человека, к тому же возглавляющего независимую секретную службу с самыми широкими полномочиями?..

Адмирал не перебивал горячий монолог израильтянина. Лицо его выражало полнейшую скуку. Система секретных служб России была ему достаточно знакома и строилась как в любой приличной стране, на балансе силовых противовесов: если раньше на чашах «весов» было всего два монстра – КГБ и ГРУ, главы которых бегали на ковер в ЦК доложить, «постучать» друг на друга и получить «косточку», если перепадет, то теперь система сложнее: ФСБ – СБ Президента – Главное управление охраны – ФАПСИ – ГРУ – СВР. Сюда же можно прибавить крепнущее при новом министре МВД и разветвленную сеть РУОПов. Система утратила былую монолитность, зато приобрела необходимую гибкость, мобильность... Естественно, слабостей и брешей в ней пока сколько угодно, но ему, адмиралу Макбейну, сетовать на это было бы и смешно, и глупо...

– Мы можем предполагать степень влияния Доржакова на Президента, а вот предполагать степень влияний Президента на своего ближайшего помощника... Ну а что касается пре-

мьера, то, с одной стороны, это интереса «Газпрома», с другой – интересы российской «оборонки» вернее, их полное игнорирование правительством...

Кроме того, усиление позиций коммунистов...

Макбейн едва заметно поморщился. Что у евреев действительно непереносимо – это стремление растолковать и разложить по полочкам каждую мелочь...

Скрупулезность хороша в денежных расчетах... Вот именно... В денежных.

– Мистер Левин, – резко перебил Макбейн генерала, – не устраивайте мне курс ликбеза, так, по-моему, это называлось в России после переворота. Мы оба отлично понимаем, что за каждой фигурой российского политического истеблишмента стоят интересы:

– клановые, финансовые, экономические, идеологические – разные.

Давайте по существу.

Левин снова почувствовал на спине и под мышками противный липкий пот.

Собственно, он сам добивался выхода на конкретный разговор – как это называют теперь в России, «поговорить по понятиям».

Генерал понимал, что рискует. И рискует смертельно. Если он ошибся в оценке интересов господина Макбейна, адмирала ВМС США, шефа Особого отдела разведывательной службы, подчиненного непосредственно Президенту, но

контролируемого целиком и полностью все тем же адмиралом... И еще – Левину было неприятно, что разговору «по понятиям» они переходят по настоящему требованию Макбейна и адмирал может решить, что у него, Лёвы Левина, на это просто не хватило духу... Впрочем, Лёве было абсолютно наплевать, что подумает Макбейн о нем лично... Хуже было другое: Лева вдруг понял что он в самом деле оттягивал конкретный разговор... Оправдывал себя тем, что к адмиралу нужно было присмотреться, составить личное впечатление...

Просто никакого другого выбора, кроме как довериться Макбейну, профессионалу с безразличным лицом, улыбкой преуспевающего политика и стальными светло-голубыми глазами, застывшими, словно два кубика льда, у Левина не осталось. Шеф особого подразделения израильской разведки слыл среди коллег человеком решительным и твердым, когда дело касалось жизни и смерти. Он и был таким, если приходилось решать этот щекотливый вопрос по отношению к другим: здесь Левин просчитывал все возможные варианты последствий устранения той или иной персоны, сдачи агента и никогда не ошибался. Он знал людей. Но теперь, когда необходимо принять решение, от которого зависит его собственная жизнь...

Или – смерть...

Но выбора нет. В любом случае действие лучше бездействия. Левин хмыкнул про себя: не в любом, а только в том,

когда действие приводит к победе. Но... Выбора нет.

Левин чувствовал себя так, словно на голову ему надели полиэтиленовый пакет, оставив дырочку для воздуха. Всего одну. И все же это лучше, чем никакой... Жара... Смертельная жара...

– Сигару? – учтиво и безразлично предложил адмирал.

– Спасибо, нет. Лучше еще воды. Без льда.

– При такой жаре напиться просто невозможно. – Адмирал наполнил высокий бокал, поставил перед гостем. – В Азии пьют горячий чай...

– Израиль – не Азия, адмирал.

– Но ведь и не Африка... – усмехнулся Макбейн.

Левин промолчал. Поднял запотевший стакан, погрел руками. Макбейн быстро взглянул на него, произнес:

– Извините, мистер Левин. По-моему, моя последняя шутка оказалась не слишком удачной.

– Я не ортодокс, адмирал. Но и для меня Израиль – это Израиль.

– Еще раз извините. Я вовсе не хотел задеть ваши национальные, религиозные или патриотические чувства. Расцените все как шутку – просто чтобы снять напряжение. Мне кажется, это необходимо нам обоим.

– Я не обижен. – Левин поднес стакан ко рту, выпил сразу, тремя большими глотками – как делал когда-то в Одессе, мальчишкой, накупавшись в море, набегавшись по пыльным, жарким улицам. Хотя какой там стакан – они пили просто

из-под колонки или из-под крана, подставив пересохшие губы и разгоряченные лица под струю...

Не обижен... Ладно, это потом. Все потом. Тем более Макбейн – профессионал, и никакая шутка не срывается с его губ просто так. Особенно неудачная. Потом.

Сейчас – дело.

– Адмирал, у меня есть все основания предполагать, что в России у вас есть интересы. Отличные от интересов национальной безопасности Соединенных Штатов в целом и каждого гражданина вашей страны в отдельности. У меня имеются основания предполагать, что подобные интересы есть у вас и в самих Соединенных Штатах.

Интересы лично мистера Макбейна.

– Да, они у меня есть, – сухо подтвердил адмирал. Лицо его оставалось бесстрастным и совершенно неподвижным, безразлично-спокойный взгляд – холодным и внимательным, губы были сжаты в тонкую складку; голову он держал так прямо, словно упирался затылком в высокий жесткий воротник.

– И мне кажется...

– Если вам что-то кажется или мерещится, мистер. Левин, обратитесь к своему психоаналитику. Это в его компетенции. Не в моей. У вас что-то еще?

Левин бросил быстрый взгляд на адмирала – и понял! Он понял все: и то, почему этот Макбейн оказался в столь высоких чинах в довольно молодом, особенно по американ-

ским меркам, возрасте. И то, как нужно с ним разговаривать. Чертова жара! Или – возраст? Левин прикрыл веки. Контр-адмирал Джордж Макбейн представился ему в виде невероятного гибрида – ледокола-авианосца беспощадного, страшного и неотвратимого. Корабль возвышался громадой, сияя жерлами орудий, пугая смертной пустотой открывшихся ракетных шахт...

Игра в ассоциации. Она всегда выручала Левина, когда логика оказывалась бессильной. Как там сформулировал адмирал? «Давайте по существу».

– Мистер Макбейн, я имею к вам предложение. Полагаю, оно вас заинтересует.

– Лев даже не заметил, что сконструировал фразу чисто по-еврейски.

– Слушаю, мистер Левин.

Израильтянин достал блокнот, перо и написал всего несколько слов. И еще – цифру. Поднял вырванный листок так, чтобы адмирал смог прочесть, чиркнул кремнем, подставил бумагу под пламя. Секунду спустя в пепельнице остался лишь скрученный черный комочек. Левин перетер пепел толстыми короткими пальцами, вытер платком руку.

Вот и все. Предложение сделано. Теперь либо оно будет принято, либо они оба умрут. То, что адмирал умрет раньше, скорее всего этим же вечером, то, что он на двадцать лет моложе, – все это слабое утешение... И все же стало легче, вернее, в этом обнаружилось даже нечто приятное – раз-

делить груз страха, который он, Левин, носил на своих далеко не атлетических плечах последние несколько недель, с этим бравым моряком... Которому есть что терять – карьеру, деньги... Ну да, еще и платиновую блондинку-секретаршу... Кукла-то она кукла, но ноги... В этом Лева знал толк..., Да, адмиралу есть что терять вместе с жизнью.

Контр-адмирал Джордж Макбейн сидел в кресле расслабленно, прикрыв глаза, в углу рта дымилась неизменная «Гавана».

– Вы полагаете, Лев, эту акцию совершении необходимой? – произнес он, едва разлепив губы.

– Да, – сухо кивнул Левин.

– Это ваше мнение?

– Не только.

– Вы поставили меня перед сложным выбором, генерал Левин.

– У нас нет выбора, адмирал.

– Вы уверены?

– Да.

Если Левина и раздражало слегка, что они перебрасываются пустыми, ничего не значащими словами, будто игроки – мячиком через сетку, виду он не подал. Судя по всему, решение адмирал уже принял, и решение, нужное ему, Левину. И сейчас занят просто просчетом условий... Он прекрасно понимает, что в данной ситуации любые его условия будут приняты, и не хочет продешевить. Впрочем, Лева Леви-

ну никто не помешает поторговаться... Хе-хе, торговаться с одесским евреем – занятие для американского джентльмена не вполне привычное... Лева предвкушал удовольствие...

– Я согласен. Обсудим основные детали. Адмирал деловито достал лист бумаги, карандаш. Хм... Американской деловитости стоит удивляться всегда. Вот только...

Что-то смущало Леву Левина, но он никак не мог уловить, что конкретно...

– Вы хотите обсудить место, время...

– Нет, генерал. Всю подготовительную работу по акции я проведу сам. И не намерен делиться никакими деталями ни с вами, ни с кем бы то ни было.

– Вы понимаете, что ответственность...

– Ответственность я тоже беру на себя.

– Результат должен быть однозначно положительным.

Адмирал выразительно посмотрел на Левина.

– Извините, мистер Макбейн. Я не ставлю под сомнение ни вашу компетентность, ни ваш профессионализм. Но было бы хорошо продумать несколько вариантов Акции... Продумать вместе.

– Нет. Проработку всех вариантов я также оставлю за собой.

– Ну что ж... Тогда будем считать соглашение состоявшимся.

– Пока нет.

– Нет?

– Я хочу знать основные детали. – Адмирал смотрел на Левина чуть насмешливо...

Деньги... То, что движет этим миром... Лева чертыхнулся тихо по поводу собственной непонятливости... Ведь эти американцы примитивны, как инфузории, – ну что ж... Сумма, предложенная за будущую Акцию, несопоставимо громадна, но заинтересованные люди готовы ее выплатить. Сполна. Вперед. Им нужен результат, и как можно скорее. Гарантия результата – голова контрадмирала ВМС США Джорджа Макбейна. Для кого-то такая гарантия показалась бы мнимой, но не для Левы. Ибо сохранение жизни адмирала являлось лучшей гарантией сохранения его собственной жизни.

Ко всему люди, которые платят, прекрасно понимали, что покупают не просто определенное, пусть даже сверхсложное и сверхважное для их бизнеса, действие, они покупают то, что определит расстановку сил в этом мире на будущее столетие, а возможно, и тысячелетие... Не говоря уже о том, что, приобретая адмирала Макбейна, они приобретут в собственность еще и сверхсекретный Отдел, им возглавляемый...

– Если вы о деньгах, то они будут переведены немедленно. На ваши личные счета. Еще половина названной суммы будет перечислена на оперативные расходы.

Столько же будет передано в ваше распоряжение для финансовой маскировки движения по счетам. Вас устраивает?

– Да – сухо кивнул Макбейн.

Левин достал микрокомпьютер, включил в систему, набрал несколько цифр.

Открыл папку и передал адмиралу заранее заготовленный листок бумаги с малопонятными обозначениями – латинские буквы и цифры. Адмирал подержал листок перед глазами не более двадцати секунд, поднес к краю язычок пламени и опустил сжавшийся черный комочек в пепельницу. Растер в пыль:

– Спасибо, я запомнил.

– Хотите проверить?

– Я думаю у вас нет резона меня обманывать. Как и времени.

– Да, это так.

– Стаканчик виски?

– Благодарю, адмирал. Я рад, что мы нашли общий язык.

Макбейн молча разлил виски по бокалам, добавил содовую, лед. Левин наблюдал за ним, чуть склонив голову набок.

Все-таки не каждый день видишь человека, в течение одной минуты ставшего мультимиллионером!

– Скажите, Лев, а как вы сами относитесь к российскому Президенту?

Адмирал смотрел чуть прищурившись, его глаза-льдинки показались вдруг израильтянину перекрестьями оптического прицела, в центре каждого из которых находится он сам.

– Я? – растерялся Левин.

– Да. Вы. Лично.

Карие глазки Левина забежали по комнате. Адмирал взгляда не отвел.

– А вы, адмирал?

– Я думаю, их вообще два.

Адмирал пыхнул сигарой и скрылся за невесомым голубым облачком, словно эсминец за дымовой завесой.

Левин вышел из отдельно стоящего небольшого коттеджа, прошел через автоматически открывшиеся бронированные ворота и оказался собственно на территории базы. Офицер морской пехоты почтительно проводил гостя до поста охраны, кивнул, поднеся руку к козырьку.

Израильтянин сел в поджидавший его бронированный лимузин. Прохлада кондиционированного салона подействовала бодряще.

– Минеральной, генерал? – предупредительно спросил охранник. В руке его уже находилась бутылочка умеренно охлажденной воды из целебного источника, без газа и без льда.

– Нет. Сделай «напиток».

«Напиток» не был личным изобретением Левина: смесь коньяка и очень крепкого кофе издавна употреблялась знающими людьми для борьбы с усталостью или депрессией. Наркотик получался почти, безвредным и достаточно «долгоиграющим».

Левину предстоял утомительный перелет в Швейцарию,

потом – в Израиль. Часы, которые предстояло провести в самолете, он решил использовать для работы.

Отдохнет дома, потом.

– Пожалуйста, генерал., – Спасибо, Ицхак.

Автомобиль мчался с огромной скоростью.

Истребитель-перехватчик «ф-16» зашел со стороны солнца. Он шел на бреющем полете, прямо над шоссе, совершенно пустынным. Только одна машина двигалась навстречу несущемуся истребителю – бронированный лимузин израильтянина. Прямо над автомобилем самолет круто взмыл вверх и дал форсаж. Раздался оглушительный хлопок, похожий на выстрел; машину резко занесло, она мчалась по шоссе волчком, разваливаясь на куски, пока не замерла, перевернувшись несколько раз.

Толстяк Левин, пошатываясь, выбрался из обломков машины. Лицо его было залито кровью, кровь текла и из ушей. Генерал прошел на ощупь несколько шажков и рухнул навзничь, лицом вниз.

Выбравшиеся из-под обломков шофер и охранники перевернули босса на спину.

Бывший ас израильской разведки, шеф особого сверхсекретного подразделения «Л С» безразлично смотрел в белое от зноя небо остекленевшими зрачками. Один из охранников вспомнил: поговаривали, что у толстяка Левина не все в порядке с сердцем...

Охранники очумело переглядывались. У всех в руках

было оружие, но выхватили его они скорее инстинктивно. Единственным их противником в этой пустыне было безжалостное палящее солнце. В это время года в здешних местах жара смертельна...

Глава 4

Адмирал Макбейн положил телефонную трубку. Ему только что доложили о «несчастном случае» с автомобилем генерала Левина. Следом был еще один звонок, из Вашингтона. Макбейн немедленно вызвал секретаршу.

– Хэлен... Вы уже отправили отчет о встрече с генералом?

– Пока нет, адмирал...

– Вы всегда были догадливы... Добавьте туда вот это. – Адмирал передал девушке несколько строчек, написанных на листке бумаги от руки.

– Слушаюсь, сэр.

– Второе. Вот этот рапорт направьте шефу ФБР. Естественно, с моими самыми дружескими пожеланиями...

В просторном, на трех страничках, рапорте содержались очень важные сведения: как, через кого из русских мафиози на Брайтоне проходит транзит наркотиков на территорию Штатов из России, Украины, стран Средней Азии. Эти данные Макбейну передал Левин, а получить их он мог только от лидеров криминального мира России. Эти ребята, как всегда и везде, боролись за власть, убирая конкурентов. Самое надежное – устранять конкурентов, используя государственные органы борьбы с преступностью...

Имея такие сведения, ФБР осталось только собрать необходимую оперативную информацию и провести громкую

операцию, еще раз доказав свой профессионализм и компетентность. В первую очередь это касалось шефа Бюро.

– Подготовить копию для Пентагона?

– Нет.

– Слушаюсь, сэр. – Едва заметная улыбка тронула губы девушки.

Хэлен Джонсон адмирал считал самым удачным своим выбором. Она была не только красива, как кинозвезда, раскованна в постели и остроумна в общении, она оказалась еще и незаурядно умной и догадливой...

И еще обладала главным для женщины качеством, в их профессии – просто незаменимым: Хэлен умела скрыть свой ум за прекрасной внешностью. Все подчиненные нисколько не сомневались, что она спала с адмиралом, но ни один из них даже подумать не мог, что Хэлен Джонсон являлась при этом самым доверенным лицом шефа Особого отдела разведки ВМФ США и ее информированность в делах международной политики превосходила информированность многих американских сенаторов, даже возглавляющих комиссии и комитеты. И все потому, что для коллег Макбейна она была «долли-герл», исполнительной девочкой-куколкой, с прекрасной внешностью, пустыми глазами и почти полным отсутствием мозгов. Это подтверждалось и ее личным делом: Хэлен Джонсон выросла в каком-то захолустье на Востоке, после гибели родителей в автокатастрофе с десяти лет воспитывалась в еще большем захолустье в Неваде, у тетки, ко-

торой была нужна как этажерка в чулане. Когда Хэлен исполнилось четырнадцать, тетка «приказала долго жить», и Хэлен, по ее словам, «сорвалась по стране». Стала сначала «шоферской девочкой», потом – «уличной девочкой». Этот период ее жизни остался в полной тени для адмирала, несмотря на то, что рассказы девушки проверялись лучшими спецами ФБР и полиций штатов, хотя неофициально и по его просьбе... Впрочем, то, что ее имя не фигурировало ни в одном компьютере и ни в одном протоколе, только делало ей честь: видимо, она и тогда была умницей...

В девятнадцать лет она объявилась в Нью-Джерси и работала служащей в одном из баров. Здесь ее и встретил Макбейн. С неделю к ней присматривался, потом девушка прошла негласную проверку, и только через месяц ей было сделано предложение работать у адмирала. Впрочем, к этому времени они уже две недели встречались, и что бы там ни повлияло на решение Макбейна – обаяние девушки, ее полная неподверженность тем или иным штампам, бытовавшим в Америке, или наивно-восторженная радость, получаемая девушкой от секса, – но она стала секретарем особого сектора, а вскоре – и Отдела, который возглавил Макбейн.

Через два года девушка оказалась еще и очень богата: скончавшаяся в Мексике двоюродная темя оставила ей ни много ни мало три с половиной долларов США в американских ценных государственных бумагах!

Став «самой богатой невестой ВМФ», как шутил Мак-

бейн, девушка никак не переменяла к нему своего отношения, что еще больше привязало к ней адмирала. Не изменила она и отношения к своей работе; да и никто, кроме адмирала, так и не узнал о свалившемся на нее состоянии. Девушка продолжала жить, как жила. Время от времени Макбейн проводил тихие проверки своей секретарши; они ничего не прибавляли к тому, что он уже знал о Хэлен: девушка ни с кем, кроме него, не встречалась, свободное время посвящала игре в теннис и чтению серьезных русских романов, которые он сам же ей и рекомендовал... Еще – поэзия Китая раннего средневековья, японские танка и аналитические отчеты о ситуациях в различных регионах мира, которые руководство настоятельно рекомендовало для проработки всем старшим офицерам, начиная с заместителей начальников секторов, и на которые секретарше совсем не обязательно было тратить свое свободное время... Тем более, что сослуживцы Макбейна успешно отлынивали от «высоких рекомендаций» и старались не перегружать себя ничем, что выходило бы за рамки их прямых служебных обязанностей.

То, что она не стремилась получить специальное образование и сделать карьеру, адмирала уже не настораживало: девушка была богата. То, что она не работала и не стремилась работать на кого-то еще – будь то ЦРУ, НАСА или разведка любой страны, – было просто фактом: девушка не имела никаких контактов, кроме тех, что были ей нужны для работы, это проверялось совершенно автоматически специальным

сектором, где работали люди, лично преданные Макбейну... Все «перекрестные» проверки, которые время от времени устраивали друг другу различные спецслужбы США, адмирал считал чистейшей воды фарсом: в замкнутых корпоративных системах, какими являлись сами разведслужбы и их отделы, «чужак» со всей своей «атрибутикой» был так же «незаметен», как Майкл Джексон на сцене Карнеги-Холл...

Тем не менее что-то тревожило Джорджа Макбейна в поведении девушки. И он понял что: Хэлен Джонсон вела себя совсем не по-американски... – не стремилась к карьере, не мечтала стать добропорядочной домохозяйкой, наконец, совершенно не пользовалась своим богатством...

Почему?

Этот вопрос не давал покоя Макбейну, и однажды он задал его девушке прямо.

Это было в Аргентине, в одной из бесчисленных командировок; после трех дней почти непрерывной работы им удалось тихо улизнуть от опекунов и партнеров – делал это Макбейн достаточно регулярно и с удовольствием, как он говорил, «чтобы навыки не терять» – и уединиться в очень недорогом бунгало на берегу океана...

...Хэлен встала с постели, надела футболку и шорты, прихватила полупустую бутылку бренди и молча вышла. Макбейн выкурил сигару, оделся и направился следом. Девушка сидела метрах в ста от хижины на песке, смотрела на набегające волны и время от времени прикладывалась к бутылке,

отпивая маленькими осторожными глотками. Макбейн подошел и сел чуть сзади.

– Джорджи, ты хотел бы пробежаться, по волнам?

– Серфинг?

– Мой милый адмирал, в том-то все и дело, что по волнам хочется бегать без всякого серфинга...

– Да... Я что-то слышал об этом... Есть такая книга...

– Джорджи, ты летаешь во сне? – Нет.

– А в детстве?

– Не помню.

– А я – помню. Летать во сне очень здорово и немного жутко. Знаешь, я думаю, раньше люди умели летать, а теперь просто забыли как это делается. И могли бегать по волнам, и дружили со снежными барсами, и катались на лавинах в горах, и спали на львиной гриве.

– Хэл, ты выпила...

– Почему мы забыли все это?.. – Девушка обернулась, глаза ее были темны как ночь, и Макбейн даже не увидел, а угадал в них немедленное детское требование единственно верного ответа.

– Не стоит пить столько бренди, Хэл. Ты устала...

– Ты не знаешь, адмирал. Ты просто не знаешь. Все вы совершаете глупые, никому не нужные поступки, из которых складывается ваша жизнь, и вы уходите в никуда, откуда и пришли, даже не поняв, зачем вы приходили...

– Хэл...

Девушка поднесла бутылку ко рту и пила, пока спиртное не закончилось. Потом свернулась калачиком на песке, прошептала едва слышно:

– Адмирал... Отнеси меня домой... Если сможешь... Утром, когда Макбейн проснулся, девушки уже не было рядом.

Он успел побриться, приготовить кофе, когда Хэлен, свежая и сияющая, вбежала в комнату.

– Ты ленив, адмирал. Ты не представляешь, как здорово плавать на рассвете!

– Девушка подошла к столику, двумя глотками выпила кофе.

– Ты в порядке?

– В полном. Нам пора?

– Есть еще немного времени. – Адмирал чуть помедлил. – Хэлен, ты помнишь, что ты вчера говорила?

– Нет. А зачем?

– По-моему, ты очень устала. Тебе нужно отдохнуть.

– Что тебя не устраивает?

– Вчера... Вчера ты выпила очень много... И говорила странные вещи...

– И – что? У меня был выходной.

– Может быть, тебе стоит обратиться к психоаналитику?

– Зачем? Адмирал, если тебя не устраивает моя работа, я завтра же подам рапорт...

– Хэл... Меня не устраивает твоя жизнь!..

– Да?

– Я не понимаю, почему и зачем ты живешь! Чего ты хочешь?

Девушка быстро взглянула на адмирала, и ему показалось, что он разглядел в ее глазах... жалость. Потом глаза ее сузились, стали темными и непроницаемыми.

– Что именно тебя не устраивает?

– Почему ты не меняешь свою жизнь? Почему ты не пользуешься деньгами?

Почему ты ничего не хочешь?

– Ах... Ты об этом... Макбейн, у меня три с половиной миллиона долларов...

– Да...

– Я хочу, чтобы их было триста... Это понятно?

– Да. Но ведь ты ничего не предпринимает...

– Мистер Макбейн, я учусь.

– Чему?

– Как мужчины делают политику.

– Да?

– Больше, чем может принести эта игра, не принесут все нефтяные скважины мира.

– Хэл... твоих денег может не хватить, чтобы сделать даже одну ставку.

– Но мужчины – ставят...

– Они ставят жизнь.

Хэлен улыбнулась спокойно и немного надменно, и адми-

ралу вдруг показалось, что он совершенно не знает эту девушку, что он видит ее впервые...

– А вот к этому я готова. Вполне.

...Именно тогда адмирал Макбейн впервые подумал, что все его «игры» малы рядом с той, какую хочет сыграть эта маленькая леди. Но и это вдруг оказалось для него не важным. А важным было то, что Джордж Макбейн, удачливый сорокасемилетний мужчина, адмирал ВМС США, понял, что готов пожертвовать всем, чтобы стройная светловолосая американка Хэлен Джонсон находилась с ним рядом.

Всегда.

...Девушка стояла с блокнотом в руке:

– Что еще, сэр?

– Подготовьте приказ о назначении специального расследования о причинах несчастного случая с генералом Левиным... – Макбейн немного помедлил.

– Расследование будут проводить представители ВМС?

– Нет. Смешанная комиссия. Ее возглавит кто-нибудь из аппарата вице-президента...

Девушка снова улыбнулась, едва заметно.

– Адмирал... Может быть, вы сразу передадите мне список членов комиссии? – В глазах ее плясали искорки.

– Хорошо, Хэл. Только... Датируйте этот документ завтрашним числом... – Адмирал вынул из сейфа листок с фамилиями и передал девушке.

– Да, сэр. За подписью вице-президента США? Адмирал

чуть помедлил, пыхнул сигарой. Если бы у всех его подчиненных мозги работали хоть на треть так же, как у этой «долли-герл»...

– Да.

Адмирал остался один. Он сидел неподвижно, глядя в одну точку. Акция, предложенная Макбейну Левиным, скверно пахла. Весьма. Но не это беспокоило адмирала. Ему было не вполне ясно, зачем устранили Левина. С профессионалом суперкласса расстались легко и без сантиментов. Макбейна не покидало ощущение, что и ему, Макбейну, предстоит сыграть определенную роль в чьей-то игре, после чего расстанутся и с ним. А покойникам, как известно, деньги уже не нужны.

И еще: насколько же должен быть высок уровень игры, если таких профессионалов, как Левин, играют втемную...

Сам адмирал становиться «куклой» или подсадкой не хотел ни при каких условиях. Но...

К сожалению, в этой жизни всегда существует «но»: обстоятельства складываются так, что условия уже не выбирают...

Четыре года назад у адмирала действительно появились интересы не просто иные, но прямо противоположные интересам национальной безопасности Соединенных Штатов.

Некие люди из еврейской диаспоры Нью-Йорка попросили его оказать содействие в приобретении акций небольшой фирмы, производящей электронное оборудование для

НАСА. Особого криминала в этом не было: сотрудничество США и Израиля в области обороны было давним и тесным, и, выйди история наружу, единственное, что грозило адмиралу, — это отставка.

К будущему возможному крушению карьеры адмирал отнесся философски: возглавить Пентагон ему не улыбалось ни при каких обстоятельствах, а полтора миллиона долларов, не облагаемых никакими налогами, которые он получал после успешного завершения сделки, были вполне весомой компенсацией морального ущерба.

Да и совесть его не беспокоила. Пакет акций, который желали приобрести, был невелик: никакого решающего значения для фирмы не имел; и ко всему Макбейн хорошо понимал людей, желающих вложить деньги в производство высокотехнологичного оборудования для аэрокосмоса: доход по акциям не подвергался сомнению, был стабилен и гарантирован экономической мощью таких «китов», как «Дженерал дайнамикс» и «Дженерал электрик».

Сделка состоялась. Адмирал проигрывал варианты вложения образовавшейся свободной суммы... Но...

...Это была командировка в Акапулько: Ему позвонили из холла гостиницы в номер и попросили о встрече в баре. Собственно, в Акапулько адмирал прибыл как бизнесмен: мотивировкой визита был контакт с информаторами из министерства иностранных дел одной латиноамериканской страны; в действительности Макбейн искал возможности до-

статочно надежного вложения имеющихся у него денег – без документальной мотивации источника их обретения. Учетная ставка Цюрихского банка его совсем не устраивала...

Адмирал согласился на контакт с незнакомцем. И понял, что он на крючке.

Незнакомец, представившийся бразильским бизнесменом, к делу перешел сразу.

Негромко и внятно он объяснил адмиралу, что сделка, которой он помог состояться в Штатах, привела к приобретению контрольного пакета акции фирмы... русскими.

«Бразилец» охотно продемонстрировал и копии документов: русские осторожно, через целую систему фирм-«поплавков», скупали акции «Невада Инк.»; пакет, купленный при посредничестве Макбейна и, как выяснилось, вовсе не израильтян, а криминалов из еврейской диаспоры, позволил получить контроль над фирмой.

Макбейн сидел с «бразильцем» в машине, внимательно читая копии документов.

«Бразилец» вынимал листки из «дипломата» по одному, прочитанные адмиралом аккуратно укладывал обратно. Адмирал предосторожность оценил: бумага, обработанная специальным химическим составом, превращалась в пепел через некоторое время после прочтения. Да и пакет еще непрочитанных копий мог быть уничтожен мгновенно – о том, что это атташе специальной конструкции, у Мак-бейна сомнений не возникало.

Закончив чтение, адмирал молча достал сигару, не торопясь раскурил, прикрыв глаза. «Бразилец» молчания не прерывал, давая американцу возможность привыкнуть к новому положению вещей. Ведь теперь любая огласка сделки с «Невада Инк.» грозила не отставкой – участие адмирала будет трактоваться американской Фемидой как «государственная измена», что карается пожизненным заключением. В планы Макбейна это никак не входило...

С другой стороны... С другой стороны, сдать Макбейна для русских означало потерять этот самый контроль над «Невада Инк.», которого они добивались столько лет... Тогда зачем явился «бразилец» с бумагами?.. Только для того, чтобы оказать адмиралу услугу информацией, которую передавать ему нет никакого смысла?..

Или все смешалось в этом мире, и государственные интересы ничего не значат рядом с интересами личными и корпоративными?.. И «бразилец» работает вовсе не на Россию, а на кого-то из русских персонально?..

Макбейн открыл глаза. Лицо его оставалось спокойным и невозмутимым, словно маска.

– Я готов выслушать ваши предложения, мистер...

– Санчес.

– Мистер Санчес.

– Я рад, что вы поняли все правильно, адмирал. Макбейн пыхнул сигарой.

– Мы знаем, что вы ищете пути вложения имеющихся у

вас денежных капиталов...

– Законного вложения, мистер Санчес.

– Естественно. И хотим сделать вам предложение.

– От чьего имени?

– Разве это важно?

– Мистер Санчес... Я хочу сразу заявить: я не предавал интересов своей страны и не собираюсь делать этого в дальнейшем...

– Мистер Макбейн... Мы уважаем вашу позицию и, если угодно, разделяем ее.

– Да?..

– Вы даже не представляете, мистер Макбейн, насколько могут сблизиться интересы России и Соединенных Штатов... э-э-э... на данном историческом отрезке...

– Я не историк.

– Извините. Итак, о деньгах...

То, что предложил Санчес, показалось Макбейну совершенно поразительным!..

Его попросили прикрыть от возможных конкурентов сделку по покупке фирмой «Сикорски» акций вертолетного завода Миля – по крайней мере на том этапе, пока директорат «Сикорски» будет изучать вопрос...

Макбейн хорошо помнил вертолеты Сикорского по Вьетнаму – их точная ювелирная работа сохранила тысячи жизней американских парней в джунглях. Но и русские «Ми» показали себя...

Купить акции заводов Миля – это для Сикорского или остановить заводы конкурента, или...

На одном из авиасалонов русские продемонстрировали «Ка-52», окрещенный «черной акулой». Поражены были все: то, что мог делать даже модернизированный «Апач», казалось просто детской шалостью по сравнению с возможностями мощной, маневренной и практически неуязвимой русской «акулы». Но... В России так и не начат до сих пор серийный выпуск этих боевых-вертолетов. Если бы Штатам удалось заполучить ведущие конструкторские бюро русских...

И еще он вспомнил, что основатель фирмы Игорь Сикорский – русский до мозга костей человек, а сейчас фирмой руководит его сын Сергей...

Нет, современная политика была не для него, адмирала Макбейна. Его дело – действие. Лучше такое, которое приносит деньги.

Адмирал Макбейн принял предложение «бразильца» – стал богаче на два с половиной миллиона...

За четыре года адмирал провел несколько операций прикрытия как по сделкам приобретения акций и вкладыванию денег американскими фирмами в предприятия российской «оборонки», в основном аэрокосмоса, так и наоборот... Впрочем, деньги вкладывались в фирмы, занимающиеся в США высокими технологиями, но он не знал, чьи это деньги, как не мог поручиться и за то, что эти предприятия были

действительно американскими.

Как бы там ни было, личное состояние Макбейна приблизилось к пятнадцати миллионам долларов. Не тревожил его и моральный аспект: достаточно крупные люди на том или ином этапе подключались к обеспечению таких сделок; среди них были сенаторы и конгрессмены, политики и работники спецслужб... Из всех американских свобод люди, стремящиеся к успеху, выделяли главную: свободу делать деньги, приумножать капитал.

Акция, которую предложил провести генерал Левин, должна была принести Макбейну пятьдесят миллионов долларов. Вернее, деньги уже были переведены, оставалось их отработать.

Адмирал понимал, что цена никак не завышена: последовательное проведение Акции может существенно изменить расстановку политических фигур в России, Израиле, США. Если учесть предстоящие во всех трех странах выборы...

Впрочем, Макбейн не собирался просчитывать ни варианты, ни последствия предложенной Акции. В данном случае он, адмирал Макбейн, – организатор действия.

Всем остальным пусть занимаются другие. Да и причины «несчастливого случая» с Левиным – тоже не его компетенция. Как любят говорить русские – «меньше знаешь – крепче спишь».

Звонок из аппарата вице-президента США последовал с полутораминутным перерывом после извещения об инци-

денте с лимузином израильянина. Рекомендацию назначить межведомственную комиссию адмирал воспринял как приказ. Еще через минуту был передан шифрованным телексом состав участников комиссии...

Ну что ж, у людей власти и политики свои игры и свои правила... Ему, адмиралу Макбейну, на эти правила наплевать. Просто нужно профессионально выполнить порученную ему работу – и исчезнуть. Возможности адмирала позволяли это сделать.

Куда лучше стать бароном Санчесом где-нибудь в Уругвае, Колумбии или Бразилии, чем оставаться контр-адмиралом ВМС США, заслуженным и... покойным.

Нет, ошибки генерала Левина Макбейн не хотел повторить...

Оставалось только одно: поговорить со стройной светловолосой американкой Хэлен Джонсон.

Девушку он нашел в подземном тире. Двенадцать мишеней, имитирующих фигуру стоящего человека, возникли неожиданно – разные по размерам, они передвигались достаточно хаотично на разной высоте и с разной скоростью. Хэлен выхватила из-за пояса сзади тяжелый «смит-и-вессон» 45-го калибра и открыла огонь. Восемь из двенадцати целей были поражены за пять секунд «в голову», и еще две – «задеты»... Затвор пистолета беспомощно откинут назад – патроны кончились... Две цели продолжали передвигаться, «раненые» застыли на месте, то разворачиваясь фанерным

профилем, то снова возвращаясь в положение мишеней.

– Ты убита, Хэл. – Адмирал выдернул пистолет из оперативной кобуры на поясе и навскидку, с одной руки «погасил» оставшиеся цели.

Девушка пожала плечами.

– Может быть, тебе стоит заказать программу попроще?

– Нет. Я хочу эту.

По правде говоря, адмирал Макбейн втайне гордился успехами девушки. Всего два года назад она выразила желание обучаться основам рукопашного боя и стрельбе. В первом она достигла успехов в ударной технике, да и во втором намного превосходила многих коллег Макбейна.

Девушка вставила новую обойму, спрятала пистолет за пояс сзади и сосредоточенно замерла, готовая открыть огонь.

– Хэлен... Мне нужно с тобой поговорить. Она чуть повернула голову, недоуменно приподняла брови:

– Слушаю, адмирал.

– Мне нужно поговорить с тобой...

– Да, Джорджи...

Макбейн задумался на секунду...

– Генерал Левин предложил мне...

– Нет, адмирал.

– Нет?

– Нет. Это твой бизнес, и я не хочу в нем участвовать.

– Ты даже не хочешь выслушать?..

– Зачем? Если несчастный случай с генералом не произвел ни на кого особого впечатления, то несчастный случай с сержантом ВМС Хэлен Джонсон вообще никто не заметит...

– Хэл... А как бы ты отнеслась к тому, если бы я стал богаче на пятьдесят миллионов долларов?

– Ах, Джорджи... Лучше бы ты научился бегать по волнам...

– Что?..

– Зачем? Ты и так милый...

Светло-голубые глаза адмирала Макбейна застыли, словно два кусочка льда.

Хэлен Джонсон не отвела взгляда. Ее глаза цвета глубокого моря остались темны и непроницаемы...

Макбейн поднял пистолет, чуть повернул голову, разрядил всю обойму в неподвижную круглую мишень, вгоняя пулю в пулю, резко развернулся и вышел.

Снизу загрохотали выстрелы крупнокалиберного пистолета Хэлен. Девушка продолжала отрабатывать упражнение.

После прохлады кондиционированного тира жара на открытом воздухе показалась адмиралу просто смертельной. И еще – вспомнилось вдруг: когда два года назад Хэлен попросила обучить ее специальной стрельбе и адмирал спросил, зачем ей это нужно, девушка ответила, спокойно глядя ему в глаза:

– Точный выстрел – это единственное действие, способное принести мгновенный результат.

Глава 5

ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ

Старик сидит в кресле-каталке. Ноги прикрыты пледом.

Тонкие бесцветные губы плотно сжаты, обтянутый кожей череп костист и желт, хрящеватый, заострившийся нос с горбинкой и втянувшиеся щеки... Это больше похоже-на по-смертную маску, чем на лицо человека...

Пергаментные веки вздрагивают, приподнимаются...

Взгляд старика тускл и безумен...

Но вот глаза проясняются, словно расставаясь с остатками сна – или небытия?

– ноздри осторожно втягивают прохладный, кондиционированный воздух... Глаза почти бесцветны – они словно поглощают свет, и он тонет в их непроницаемой мути... Черные зрачки похожи на двух затаившихся зверьков...

Старик не любит зеркал.

А ведь когда-то он был дьявольски красив, женщины сходили с ума, но больше не от тонкого точеного профиля или синих до неприличия глаз, а от того дыхания порока и азарта, от той безразличной отчужденности, с которой смотрел он на мир...

Да, мир соткан из порока и азарта, а когда и то и другое уходит вместе со временем, остается лишь смерть... Когда-то старик испробовал все... «Путь излишеств ведет в башню мудрости...» – сказал как-то Уильям Блейк. Старик прошел этот путь... Он вел в никуда...

Сущее Ничто правило этим миром, играя людьми, их страстями и помыслами, от самых мелких до кажущихся самыми высокими...

В этом мире нет вершин, которые стоило бы брать...

Зато есть бездна...

Одна на всех.

Имя ей – смерть.

У старика нет друзей, родственников, людей, которых он любит, или тех, кто любит его. У него нет ни религии, ни веры, ни национальности... Наверное, уже не осталось за стенами этого здания людей, которые вспомнили бы его самого или даже его имя.

Он был просто старик.

Более тридцати лет назад он уединился здесь, в этом мрачноватом каменном здании... И никогда более не покидал его. Постоянные сотрудники, которые здесь работали, пребывали в том же абсолютном уединении.

Он был очень стар. Смыкая веки, он видел ушедшее ярко и зримо, но оно давно не вызывало ни эмоций, ни чувств, ни сожалений.

Порой старику казалось, что он был всегда и пребудет

вечно. Ему явственно виделись прошлые века: жестокая поступь римских легионов, умирающие на аренах цирков христиане, терзаемые дикими зверями, буйство варваров непобедимого Атиллы, железный лязг рыцарской конницы, костры инквизиции, человеческие головы, летящие в корзину после падения топора гильотины, голод и вырождение, пушечный гром орудий Буонапарте, вереница кровавых революций, снова голод, шелест летящих снарядов, визг падающих бомб, разрывы, превращающие человечью плоть в куски мяса... Вот это последнее он видел сам. Наяву.

Кровь... Кровь... Кровь...

Война и самоубийство – наиболее естественное состояние человечества. Когда войны заканчиваются, человечество не живет – гниет... И лихорадочно ищет наилучшие способы самоуничтожения: гомосексуализм, самоубийства... Люди уничтожают себя алкоголем и наркотиками, пока не вмешивается природа: бактерии и вирусы успешно выполняют работу войны... Но люди не желают ждать... Они – убивают...

Жалкие двуногие существа, ползающие по поверхности земли, словно блохи по собачьей шерсти, управляются страстями и страхом...

Они придумали себе несуществующих богов только затем, чтобы приносить в жертвы себе подобных.

Род сей, лукавый и прелюбодейный...

Как там в Библии? «И земля была безвидна и пуста...»

И земля будет безвидна и пуста...

Это видение было самым приятным... Безвидна и пуста.

Старик снова закрыл глаза. Он почти физически ощущал биение пульса человечества... Финансовая система мира, состоящая из бирж, банков, корпораций, контролировавших миллионы предприятий, на которых миллиарды людей проводили жизнь, создавая орудия смерти...

Кровь... Кровь... Кровь...

Эта кровь вливалась живительной влагой в артерии мировой финансовой системы, превращаясь в драгоценное красное золото...

Но и золото...

Миллиарды и триллионы долларов – то, во что превращались мечты, фантазии, красота и совершенство живых человеческих существ, – были на самом деле Ничем.

Строчками на экранах компьютера, крашеной бумагой на валютных биржах...

На вершине этой пирамиды восседал он, Председатель. Командор.

Людам нужно помочь освободиться от самих себя...

И земля будет безвидна и пуста...

Над этим стоит потрудиться...

Старик поднимает веки. Взгляд его – тускл и безумен.

ЭЙН-ГЕВИ, ИЗРАИЛЬ

Иоахим Герцель пробежал глазами строчки доклада комиссии. Несчастный случай... Неопытный пилот... Прошел тщательную медицинскую проверку...

Выяснилось, что у него и раньше во время полета появлялось чувство необъяснимой эйфории... Мудреное латинское название— Подписи врачебной комиссии... Уволен из ВВС... Направлен на специальное лечение за счет министерства обороны США...

Несчастный случай... Все, кому положено, выразили соболезнование... Семье генерала Левина назначена пенсия...

Ну что ж, все прошло как планировалось.

Левин замкнул на себе слишком много связей, стал слишком «светлой» и тем самым слишком уязвимой фигурой. Левин к тому же оказался чрезмерно жадным, он просто закрывал глаза на источник русских капиталов: перекачка в Израиль не прошедших отмывку денег от наркобизнеса могла привести к серьезным осложнениям в ходе подготовки избирательной кампании в США... С другой стороны, могло произойти чрезмерное вливание денег российских олигархов, замаскированных под криминальные, в производство высоких технологий в самом Израиле... А это может создать в будущем такие проблемы, что их и представить себе сложно...

Герцель давно создал свою, гораздо более действенную

цепочку денежных капиталов по трассе Россия – Израиль, с куда более перспективными возможностями... К тому же... К тому же Герцеля, как представителя Шабак⁴, давно раздражала активность военных разведчиков... Они лезли на чужую территорию... Ну а если быть полностью откровенным, его раздражал сам Левин. Этот задумчивый меланхоличный толстяк пользовался слишком большим влиянием в своей службе и слишком большим уважением в других, чтобы остаться живым.

Йоахим Герцель предпочитал все контролировать сам. Только так он будет спокоен, когда соберется Малый Совет.

В любом случае генерал Левин выполнил предписанную ему миссию. Люди – винтики, но должны верить, что если и не делают политику, то по крайней мере участвуют в процессе и тем самым ответственны за то, что происходило, происходит и будет происходить и с ними самими, и со странами, в которых они живут, и с народами, к которым они себя причисляют.

Герцель усмехнулся. Управлять можно любыми людьми и любыми народами, нужно только правильно выбирать средства. Акция, которую решил провести Малый Совет, действительно определит порядок в мире в будущем тысячелетии.

Йоахим Герцель всегда удивлялся человеческой тупости.

⁴ Ш а б а к – служба безопасности Израиля. А м а н – военная разведка. М о с с а д – служба разведки.

Людишки негодуют, суетятся, требуют, каются, сожалеют... Не давая себе труда даже задуматься над тем, что условия выживания при том или ином режиме уже заданы, причем заданы для каждого социального слоя или группы, существующей в данном обществе или в данной стране, и каждый действует, подчиняясь жестким и жестоким правилам, как фигура на шахматной доске.

Хм... Считается почему-то, что, чем представительнее в том или ином народе слой, именуемый интеллигенцией, тем устойчивей сама нация... На самом деле все это жалкие, тщеславные, амбициозные людишки, кормящиеся с руки любой власти и предающие первыми, как только кормушка оказывается в других руках. Именно они при любых изменениях начинают суетиться первыми, прикрывая свое малодушие и эгоизм расхожим словом «народ», именно они испражняются статейками и фильмиками, книжонками и виршиками, именно они «каются» – по всем телеканалам, распространяя свою зловонную трусость и предательство на окружающих, разлагая общество ч культивируя во всех чувство вины за прошлое... Общественная структура начинает вибрировать, судорожно искать ориентиры и цели...

И тогда наступает время эти цели им предоставить.

Порядок существования в этом мире людей, народов, наций вырабатывался Малым Советом. Через своих «корреспондентов» или «агентов влияния» Малый Совет результативно направлял самые высшие круги власти и политики

США, стран Европы и Азии, стран бывшего Союза, Израиля. «Корреспонденты» вместе с руководителями крупнейших банковских корпораций входили в Большой Совет, однако полностью в цели Малого Совета их никогда не посвящали.

Йоахим Герцель, «корреспондент» Совета в Израиле, удостоился чести быть приглашенным на встречу с са-ьмим председателем... Похоже, он догадывался почему...

Обладая огромными финансовыми средствами и влиянием на политику целых стран и народов, Малый Совет оказывался порой бессильным перед волей отдельных людей.

Если человек вовремя не устранился, это грозило нарушением установленного порядка, а нарушенный порядок не только приходилось потом восстанавливать десятилетиями – это могло привести Малый Совет к утрате верховной власти.

К прямым акциям Малый Совет прибегал довольно редко: громадные финансовые средства позволяли решать возникающие проблемы иными путями. Однако в мировой финансовой системе все активнее и независимее стали проявлять себя совокупные капиталы сверхдержав и государственных объединений: арабские нефтяные миллиарды, сокровища индийских раджей, обращаемые в финансовый капитал уже с пятидесятых годов, государственные капиталы Китая и стратегические российские деньги. Где они действовали и как – не знал никто. Отгородившись от мира «железным занавесом», который стал после хрущевского переворота про-

зрачнее в политике, но оставался совершенно непроницаемым в экономике, русские начали активную экспансию капитала...

И все же главным богатством России является сама эта страна; вопрос овладения стратегическими деньгами России, в мировой финансовой системе обычно именуемыми «золотом партии», вопрос овладения русскими энергоресурсами, предприятиями «оборонки», рынком сбыта – важнейший в мировой политике.

Нынешний Президент России – фигура слишком сильная и непредсказуемая, чтобы сделать на него единственную ставку. Акция по России, при полномасштабном ее проведении, позволит Малому Совету оказаться в выигрыше при любом раскладе общей игры...

Герцель усмехнулся... Для себя он уже все решил. Он знал, что ему предложат... Потом... Потом ему должны поручить проведение русской Акции... Это его шанс, и упустить...

Нужно только добиться, чтобы всю «корреспондентскую сеть» Совет замкнул на него, Йоахима Герцеля... Тогда после проведения Акции он сумеет получить контроль над стратегическими капиталами России внутри этой страны и за рубежом... Останется только... Останется только установить личный контроль над всеми капиталами, входящими в сферу влияния Совета.

Впрочем...

Капиталы приумножаются... Влияют друг на друга, перетекают друг в друга...

Порой они представлялись Геоцелю живыми существами, зависящими только от самих себя и управляющими действиями людей... Даже таких могущественных, как люди Советов...

Стоп. Все это чушь. А вот контроль над капиталами Советов...

Такой личной власти не получал никто и никогда. Мечты – потом. Сейчас – время действия. Герцель поднял телефонную трубку, сказал несколько слов. Через десять минут четырехместный реактивный самолет, оснащенный специальной «капсулой безопасности», был готов к вылету.

ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ

Старик открывает глаза. Нажимает едва заметную кнопку на подлокотнике кресла-каталки. На дальней стене расходятся створки. Теперь она представляет собой огромный экран. На нем появляется карта мира.

Старик нажимает еще одну кнопку. Карта начинает пульсировать красным. Это не только точки, но и целые регионы: Босния, Ближний Восток, Чечня, Джамму и Кашмир, Афганистан, Тайвань... Появляются все новые и новые алые вспышки, и вот уже мировая карта похожа на раненое животное... К выделенным районам постепенно присоединяются

высвеченные оранжевым точки военных баз, ядерных, химических, бактериологических лабораторий и полигонов, регионы массового выращивания и потребления наркотиков, районы массовой алкоголизации населения...

И это карта мира?

Нет! Это карта войны!

Иногда старик ловил на себе недоуменные взгляды финансистов на редких заседаниях Малого Совета... Похоже, некоторые из них считают его не вполне нормальным...

Нет. Он-то нормален.

Это мир сошел с ума.

Вернее, он всегда был полоумным, вот только людям не хватало мощи для самоуничтожения...

Теперь такой мощи достаточно.

Сбоку от основного экрана начинают зажигаться телеэкраны поменьше, по шесть с каждой стороны. На всех – программы новостей разных телеканалов различных стран и континентов. И везде – война... Или – кровь... Или – бесчинства дегенератов... Везде одно и то же...

Смерть.

И земля будет безвидна и пуста...

Старик манипулирует с пультом управления. Экран с картой мира затухает.

Вместо него появляются длинные колонки цифр... Сводки со всех валютных и фондовых бирж мира.

Сидящий в кресле почти физически ощущает биение

пульса человечества...

Финансовая система мира, состоящая из бирж, банков, корпораций, контролирующих миллионы предприятий, на которых миллиарды людей проводят жизнь, создавая орудия смерти...

Кровь... Кровь... Кровь...

Это кровь вливается живительной влагой в артерии мировой финансовой системы... Мечты, фантазии, красота и совершенство живых человеческих существ превращаются в Ничто, в мерцающие строчки на экране компьютеров... Обозначающие миллиарды и триллионы долларов...

На вершине восседает он. Председатель.

Командор.

Раздается легкая трель. Старик нажимает кнопку на пульте.

– Господин Председатель, на десять ноль-ноль вы назначили встречу генералу Герцелю. Он ждет.

– Я приму его через пятнадцать минут. Пришлите Берту.

– Да, господин Председатель.

Автоматические двери бесшумно разошлись. В комнате появилась женщина неопределенного возраста, одетая во все черное. Она подошла к креслу, провезла его в небольшую комнату.

Щелчок – яркий белый люминесцентный свет залил комнату. Женщина открыла столик, достала парик, набор макияжа и начала гримировать старика. На «модель» она, каза-

лось, не обращала ни малейшего внимания, словно это был покойник или кукла. Просто выполняла свою работу.

Закончив, она спокойно оглядела лицо... Лоб отливал оливковым загаром, скулы слегка порозовели, впалые щеки и заострившийся нос теперь придавали лицу выражение аскетичной решимости. Парик – благородная жесткая седина – гармонировал с черным строгим пиджаком. В галстук – заколка, усыпанная голубыми бриллиантами. Единственным диссонансом был перстень на указательном пальце старика – на нем сиял невероятно огромный красный алмаз чистой воды, бриллиантовой амстердамской огранки...

– Я закончила, господин Председатель.

Старик не пошевелился.

Женщина вышла из комнаты, двери за ней автоматически закрылись.

Старик открыл глаза. Но не для того, чтобы увидеть себя и оценить искусство гримера. В комнате не было зеркал.

Командор рассматривал камень. Алый бриллиант искрился в этой залитой искусственным светом комнате.

Иоахим Герцель вышел из приемной Председателя. Бледная девушка, одетая во все черное, даже не посмотрела в его сторону.

Разговор с Председателем оставил неприятный осадок. Словно Герцель разговаривал не с человеком, а с раскрашенной куклой. Горящие нездоровым румянцем скулы, безукоризненные перламутровые зубы... Глаз его Герцель не видел

– несколько светильников были направлены на генерала, это его раздражало, но он старался держаться невозмутимо.

Он подал Председателю свой план русской Акции. Старик равнодушно подержал листочки сухонькой ручкой, уронил на пустой черный стол.

– Я ознакомлюсь. Но все, что вы сказали, не лишено смысла. А теперь главное. Мы хотим поручить это вам, именно вам, генерал Герцель...

Свою пространную речь Председатель закончил словами, с которыми Герцель был абсолютно согласен:

– Арабы – фанатики. И никакой мир с ними невозможен. Никогда. Если в вашей стране есть заблуждения по этому поводу, с ними нужно покончить. Вы поняли, генерал? Покончить!

– Я понял, господин Председатель.

– Необходимые средства будут переведены на указанный вами счет. – Помолчал, добавил тихо:

– Совет ценит вашу преданность.

Старик сложил руки на груди, давая понять, что аудиенция закончена...

...Машина доставила генерала Герцеля за город. Четырехместный реактивный самолет был готов к взлету.

«Убийство премьер-министра Израиля повергло в шок мировую общественность.

Процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке, гарантом которого выступили Соединенные Штаты, оказал-

ся под угрозой».

«Выразить соболезнование народу Израиля собрались главы государств и правительств мирового сообщества. Новый премьер Израиля заявил, что будет продолжать политику Ицхака Рабина. Однако, как отмечают обозреватели, его популярность не идет ни в какое сравнение с популярностью покойного премьера».

«Охранники премьер-министра утверждают, что убийство стало возможным из-за ошибки: они приняли террориста за одного из представителей спецслужб. Именно это позволило убийце подойти на столь близкое расстояние и произвести роковой выстрел».

«Новые сенсационные подробности убийства израильского премьера взволновали израильскую и мировую общественность. Как выяснилось, убийца-фанатик являлся агентом службы безопасности Шабак. Он же заявил что стрелял в премьера холостыми патронами; смертельные выстрелы в главу правительства произвел один из охранников».

«В ходе расследования и проведенных следственных экспериментов убийца полностью признал свою вину, заявил, что готовил преступление в одиночку, руководствуясь прежде всего высшими интересами. Аналитики полагают, что это типичный фанатик-одиночка и действовал он, руководствуясь „комплексом Герострата“.

«Руководитель службы безопасности Израиля подал в отставку».

Сидящий напротив Председателя пожилой человек одет по-европейски: деловой костюм, белая сорочка, галстук. Но заметно, что чувствует он себя в этой одежде далеко не комфортно. Смуглое лицо, тонкий гордый профиль... Его предки повелевали...

Его называли Шейх.

Разговор длился уже более часа и изрядно утомил Шейха. Но последние слова Председателя... С ними он был абсолютно согласен:

– Евреи – фанатики. Коварные и лживые. И никакой мир с ними невозможен.

Никогда. И если среди вас есть заблуждения по этому поводу, с ними нужно покончить.

Шейх в знак уважения склонил голову. Мудрость этого старика очевидна. К сожалению, такое понимание не всегда найдешь и среди правоверных. Джихад – вот единственное средство против этих гнусных выродков-евреев! А он. Шейх, – меч в руках Всевышнего, да пребудет благословенно Имя Его! Аллах Велик!

Старик сидит в кресле-каталке. Ноги укрыты пледом.

Когда-то он был молод и мечтал обладать всем. Женщинами, деньгами, роскошными автомобилями... И он обладал этим. Все, все уходит вместе со временем. Остается только семейное дело. После кончины отца пришлось возглавить его.

И – понять формулу успеха, богатства. Формулу вла-

сти. Ее слышат все в детстве, но пропускают мимо ушей... «Divide et impera». Разделяй и властвуй...

Старик манипулирует кнопками на пульте управления. Свет постепенно затухает, и в его гаснущих лучах старик любуется игрой в багровеющей глубине камня... Алмаз тихо тускнеет и становится почти черным. И еще – он холоден.

Всегда.

Старик слышал, что вода обладает памятью. Люди открыли это, но не смогли объяснить. Память воды поразительна: если опустить в воду Женевского озера ключ, то потом можно набрать несколько капель где угодно, и они примут форму ключа с такой точностью, что им можно открыть замок, для которого ключ предназначен...

Еще большей памятью обладают кристаллы. Старик знал: они живые, только лишены людской зависти и злобы... Он верил, этот алый совершенный кристалл запомнит именно его... Это и есть бессмертие, когда...

...Земля будет безвидна и пуста, и тьма над бездною...

Веки старика вздрагивают, опускаются. Тонкие бесцветные губы плотно сжаты, обтянутый кожей череп костист и желт, хрящеватый, заострившийся нос и втянувшиеся щеки делают лицо похожим на посмертную маску.

Старик погружен в сон.

Или – в небытие.

Глава 6

БУРГХАУЗЕН, БАВАРИЯ, ФРГ

Генерал Конрад Вольф был недоволен собой. Крайне недоволен.

Временами он чувствовал полное свое бессилие: происходящие события подчинялись четкому, выработанному, выверенному плану. Но план этот был выработан не им, Конрадом Вольфом. Более того: невзирая на все имеющиеся у него полномочия, на значительное количество совершенно незаурядных, обладавших порой уникальными способностями людей, находящихся в его личном беспрекословном подчинении, людей смелых, решительных, стойких, готовых к немедленному действию и уже действующих, генералу Вольфу порой казалось, что он не просто не в силах хоть как-то влиять на события, но сам он выполняет просто предписанную для него роль в написанном кем-то сценарии...

Генерала Конрада Вольфа беспокоила Россия. Генерала Конрада Вольфа беспокоили Соединенные Штаты, Франция, Израиль... Но более всего его беспокоила судьба Германии.

Конрад Вольф был не просто военным – он был руково-

дителем группы военных аналитиков. Причем его достаточно обособленное подразделение имело и свой агентурный, и свой оперативный, и свой диверсионный штат; его отдел мог затребовать и получить любую необходимую информацию и из Федеральной разведывательной службы, и из ведомства канцлера; любой государственный служащий должен был содействовать усилиям сотрудников генерала Вольфа, в то время как он сам не обязан был помогать никому.

Его подразделение оставалось белым пятном и для вездесущих газетчиков: они искренне полагали, что существующие на деньги немецких налогоплательщиков тихие неприметные особнячки в Бонне, Лейпциге, Дрездене, в горах Тюрингии битком набиты яйце годовыми очкариками, от которых если и пользы немного, то и вреда никакого. Особенно для общечеловеческих ценностей и демократии...

Порой Конрад Вольф удивлялся тому, как много людей искренне верят в ахинею, обозначаемую этими пустыми словами. Его как немца серьезно интересовали только три вещи: здравый смысл, порядок и еще... То, о чем немцев немцами... Как ни странно, но лучше других это выразил русский поэт... Как там?..

«...и сумрачный германский гений...»

Вот именно... Гений...

А сейчас?

Сейчас его добрая старая Германия, страна Шиллера и Гете, Вагнера и Бетховена, низведена до уровня функции.

Как и остальные страны Европы. Все расписано: что производить, где, чем и с кем торговать и в конечном счете – как жить...

Кто может понять душу Германии? Одним она кажется излишне сентиментальной, другим – меркантильной и расчетливой, третьим...

До недавнего времени Конрад Вольф главной бедой немцев считал разъединение страны. Он стал специалистом по СССР, лучшим специалистом, и отдал немало сил тихой незаметной работе... Он считал в тот период, что возможны любые контакты и любые уступки третьим странам, лишь бы добиться воссоединения.

«Дойчланд юбер алее» – «Германия превыше всего».

«Я люблю Германию больше всего на свете» – именно так понимают немцы эту строчку поэта-романтика прошлого века.

Эти слова для Конрада Вольфа были и оправданием, и сутью, и смыслом жизни.

Как и для многих немцев – будь они «восточные» или «западные». Сохранение гордого, свободного, деятельного немецкого духа – вот что считал своей главной целью генерал Вольф.

Конрад Вольф занимался Россией достаточно долго и кропотливо, чтобы не обвинять эту страну и этот народ во всех смертных грехах... Он научился уважать Россию и русских, хотя для многих она оставалась страной загадок и парадок-

сов. И еще: история Германии и история России были накрепко связаны неведомыми, тайными, мистическими нитями... Вольфу открылось вдруг, что оба народа невероятно близки, похожи, — насколько явным казалось внешнее несходство, настолько же поразительным было сходство внутреннее... И еще: и Германию, и Россию сближала порой роковая трагичность их исторических судеб.

«Дранг нах Остен...»

«Натиск на Восток...» Даже немцы теперь понимают это выражение буквально...

«Дранг» — это вовсе не «натиск», это тайное, неосознанное, почти болезненное впечатление, сродни очарованию... Мечта об оставленной когда-то прародине, общей для двух народов...

Да, именно русский поэт сумел не просто понять — выразить душу Германии, душу народа...

«...и сумрачный германский гений...»

Именно так. Не мрачный, а сумрачный, потаенный, скрытый.

Но — гений.

Остался ли он с немцами сейчас, на пороге нового тысячелетия?

Конрад Вольф верил, что это так. Иначе и его собственная жизнь, и история человечества лишались всякого смысла. Конрад Вольф не представлял себе ни истории, ни будущего без Германии. Как и без России.

Идеалом в политике для генерала Вольфа был Отто фон Бисмарк – человек, сумевший объединить раздробленные немецкие княжества. Это стало возможно только благодаря поддержке России и личным дружественным отношениям между Бисмарком и князем Горчаковым, престарелым государственным мужем, занимавшимся внешней политикой России. Габсбурги, которым Россия в 1848 году попросту помогла сохранить австро-венгерский императорский трон, предали свою спасительницу во время Крымской войны;

Великобритания, Франция, преследуя свои интересы – первая на Балканах и в Азии, вторая – в Европе, – поддержали Турцию и навязали русским крайне тяжелые и унижительные условия Парижского мира, наиболее тяжким из которых для Российской империи являлось запрещение иметь военный флот на Черном море.

Для Австрийской империи в будущем такое предательство обернулось мощным поражением... Пруссия Упорно и последовательно развивала промышленность, то позволило создать одну из лучших армий в Европе. отический, политический гений Бисмарка и военный гений Мольтке позволили завершить объединение Германии «железом и кровью»: война для империи Габсбургов закончилась скоро и бесславно. Россия не, простила Австрии предательства – у Бисмарка были развязаны руки...

Следующий и последний штрих – франко-прусская война. «Лягушатники», живущие воспоминаниями о наполео-

новских походах, решили «осадить» Бисмарка, но... Мощные скорострельные пушки производства Альфреда Круппа буквально сметали пехотные и кавалерийские полки противника, бесстрашные французские офицеры погибали, но были не в силах победить железо кровью...

Париж был окружен. В городе началась смута, названная «Парижской коммуной».

Версаль договорился с Берлином.

В центре Европы было создано мощное немецкое государство. Впервые за много столетий, со времен Священной империи, Германия снова стала единой. И добиться этого удалось только потому, что Россия не вмешивалась! Для Бисмарка тогда такое «невмешательство» было дороже десяти военных союзов!

Германия не предала Россию: при ее поддержке условия Парижского мира были аннулированы.

И здесь, на небольшом историческом отрезке, стало очевидно внутреннее сходство русских и немцев: за три десятка лет Германия из аморфной массы раздробленных аграрных княжеств превратилась в мощную индустриальную державу, главного конкурента Великобритании на континенте; Россия из крепостной, лошадной, чиновничьей империи преобразилась в промышленного гиганта, с наивысшей в мире концентрацией производства и капитала, покрылась сетью первоклассных железных дорог; Россия сумела к собственным неосвоенным пространствам Сибири присоединить громад-

ные территории внутренних колоний в Средней Азии, объединив их в Туркестанское генерал-губернаторство, и при этом смогла избежать прямого столкновения, а значит, и будущей войны с Британской империей, создав в Азии систему буферных государств... Три англо-афганские войны закончились поражением британцев благодаря поддержке Афганистана Россией; русская резидентура в Кабуле действовала спокойно и результативно. Впоследствии в Иране русские казаки, охранявшие престол, просто-напросто произвели дворцовый переворот, сместив династию Каджаров и возведя на трон Реза-шаха, первого монарха династии Пехлеви... Пехлеви царствовали вплоть до Великой исламской революции имама Хомейни...

...Ну а тогда Иран и Афганистан были разделены на сферы влияния: север – России, юг – Англии...

В это время за океаном креп и развивался могучий государственный организм:

Северо-Американские Соединенные Штаты.

Собственно, развитие САСШ было совершенно идентично развитию России: американцы неспешно и основательно осваивали внутренние колонии – Дикий Запад, аннексировали колонии ослабших или занятых войнами европейских метрополий, купив, например, у Наполеона за символическую сумму богатейшую Луизиану; переваривали территории, которые просто не могли переварить «застолбившие» их империи, – Аляску, Флориду... И наконец, попросту от-

бирали приглянувшиеся земли у менее разворотливых и слабых соседей: крупнейший и богатейший Техас был оттяпан у Мексики после скоротечной войны, причины которой американцы даже не потрудились сформулировать, дабы придать ей хотя бы видимость «законной и справедливой»...

Главное отличие Северо-Американских Штатов от России заключалось в том, что первые действовали с развязанными руками: Новый Свет не был замкнут ни на какие ближние или дальние европейские или азиатские исторические разборки; он лишь подпитывался постоянным притоком свободных капиталов и дешевой Разноплеменной рабочей силы... К началу двадцатого века молодой заокеанский хищник заматерел и готов был к мировой экспансии...

Впрочем, «великое противостояние» двух будущих сверхдержав мировой политики началось еще с середины семидесятых годов прошлого столетия...

А что в Европе... Старомодный вислоусый Бисмарк стал никому не нужен... А вот мощная Германия в центре Европы мешала всем... Кроме России...

Причин Первой Мировой войны Конрад Вольф понять не мог. Да, были противоречия между Германией и Францией, между Германией и Великобританией, но они были куда менее серьезны, чем столкновение интересов Российской и Британской империй на Востоке и в Средиземноморье... А война, начавшаяся в 1914 году, превратилась в войну на взаимное истощение двух бывших союзных держав – Германии

и России! И в каждой из этих стран шла война тайная – уже на уничтожение!..

Германия, истекая кровью, боролась на два фронта. Не придумано было ничего лучшего, как развалить Россию изнутри, подкрепив параноика и кокаиниста Ульянова пятьюдесятью миллионами золотых немецких марок...

И к чему это привело?

К полному поражению Германии, но позже, в ноябре восемнадцатого. Господин Носке, пошутивший на свой счет: «кто-то же должен стать „кровавой собакой“, сумел объединить офицерство в борьбе с немецкими большевиками, „спартаковцами“; их просто перестреляли. И тем – спас Германию от гражданской войны и возможного нового расчленения... Но спасти страну от поражения в войне было уже невозможно.

Германия подписала условия Версальского мира.

А в Европе сложилась хваленая Версальско-Вашингтонская система. Заокеанские тихони подбирались к Европе мягко, как тигр со спрятанными до поры когтями.

Сами Соединенные Штаты спас Эдвард Гувер, создатель Федерального бюро расследований, бессменно возглавлявший ФБР до своей кончины. Ему в 1924 году было всего лишь двадцать три года, но он сумел выдворить из страны всю эту революционную сволочь: им оставалось или эмигрировать, или стать добропорядочными гражданами, или – сесть за решетку...

Потом... Потом был мировой экономический кризис, за-
девший Германию куда больше других стран...

И – Адольф Гитлер.

Какая сволочь!.. Какая сволочь не приняла этого парня в Академию художеств?! Вольф видел его картины – вполне приемлемо... В Германии стало бы на одного – хорошего или посредственного – художника больше, зато не случилось бы поголовного истребления немцев войной...

Конрад Вольф не верил в придуманный Марксом «исторический детерминизм».

Дескать, если условия складываются так-то и так-то, то неизбежно появится личность, которая сделает то-то и то-то...

Шиккельгрубера сначала отравили войной – а он был храбрый солдат, два Железных креста в Первую Мировую так просто не давали... Вернулся в нищую, униженную Германию, нашел было приют в мире ином – выдуманном, в мире живописи – и был вышвырнут оттуда, как облезлый шелудивый пес...

Кто бы мог заменить Гитлера – с его мистической верой в право посылать на смерть миллионы?... Миллионы немцев...

Евреев Конрад Вольф не жалел. Он не был ни фашистом, ни антисемитом – просто не жалел. Они были для него чужие. Ничьи. Умом он понимал трагическую историю этого бесприютного народа, но сердца это не задевало...

А задевала – кичливая тупость высшего немецкого офи-

царства, которые допустили к власти укушенного войной ефрейтора, задевала самодовольная глупость французов, севших в Эльзасе и Лотарингии и отгородившихся от немцев «линией Мажино», казавшейся им неприступной, задевала спесивая имперская гордыня англичан, смотревших с Острова на Европу с высоты своего неуязвимого величия...

И – американцы, зорко наблюдавшие за происходящим в Старом Свете и тихо готовившие миру новый порядок...

Кому выгодно?

Вторая Мировая война снова вылилась в кровавую схватку Германии и России, для немцев – обреченную изначально. Предостережения Бисмарка о гибельности войны с русскими никто не услышал, потому что никто слышать не хотел...

Гитлер сыграл на главном: он воззвал к немецкому духу, гордому и неукротимому, и уставшая от унижений нация рванулась за ним, в исступлении приняв за нового нибелунга бешеного верденского пса...

Кому выгодно?

Британская империя рассыпалась, как фанерный домик, евреи обрели беспокойный приют в Израиле, пол-Европы исчезло за «железным занавесом» коммунистов, а Америка стала править миром.

Немцы вынуждены были смотреть друг на друга через прорези прицелов. Штаты превратили ФРГ просто-напросто в заложника... Или – в форпост для наступления на Россию... Или – в заслон для танковых клиньев коммунистов...

План Маршалла, действующий до сих пор, дал Германии деньги, превратив немцев в сытых солдат заокеанских хозяев... Дисциплинированный, высокобоеспособный бундесвер стал просто игрушкой...

Да, немцы доминируют в НАТО, но это не больше чем возможность первыми умереть за «свободную Америку» и «ценности демократии»...

Только благодаря воле России немцы смогли воссоединиться. И будущее Европы генерал Конрад Вольф видел не в слиянии «заклятых друзей» – Великобритании, Франции, Германии в одну составляющую... И не в расширении НАТО на Восток, как желают американцы... Их неумное стремление «загнать медведя в его берлогу», превратить и Россию из страны в территорию может привести только к одному: к будущей конфронтации с Россией... И на острие ее снова окажется его бедная, добрая Германия...

Допустить это Конрад Вольф не мог.

Ну а пресса... Пресса, как всегда, получит тот кусок, который кинут ей его люди... И пусть себе журналисты упражняются в красноречии – надо же и им как-то зарабатывать на хлеб...

«Летом 1994 года в мюнхенском аэропорту был задержан контрабандный груз из Москвы – 363 грамм плутония. Последние показания некоторых ключевых свидетелей по этому делу все больше укрепляют западных экспертов в мысли, что „крупный успех в борьбе с мафией“ был совместным

подарком российских и немецких спецслужб канцлеру Германии накануне выборов в бундестаг. Не следует ли ждать ответных подарков накануне президентских выборов в России?...»

* * *

Генерал Вольф усмехнулся... Нет, пресса нужна и политикам, и военным... Как иначе, сформировать общественное мнение в нужный момент? Если порция материала подана эффектно и талантливо, читатель съедает ее как открытие...

Единственное, что забавляло Вольфа, так это самовлюбленность «акул пера», искренне считающих себя «четвертой властью»... Как сформулировал когда-то Адольф Гитлер: «Какое счастье для правителей, что люди не думают». Хоть этот малый и был редкостной сволочью, чутье на момент и настроение людей у него имелось...

Конрад Вольф еще раз просмотрел отчеты. Три группы работали совершенно независимо друг от друга. Они даже не подозревали о существовании каких-то дублеров... Но их выводы по основному...

Генерал нажал кнопку. Вошла секретарша, застыла у двери.

– Слушаю, герр генерал.

– Герда... Подготовьте запрос из Федеральной разведыва-

тельной службы вот по этим параметрам. – Вольф передал девушке листок бумаги.

– Слушаюсь.

– Второе. Запросите из канцелярии и бундесвера подробные данные на агентов категории «ХІ», проживавших на территории Восточной Германии или Советского Союза до 1991 года.

– Есть.

– Третье.

Генерал и сам не знал, как сформулировать это «третье»... Порой это казалось и ему самому достаточным бредом... И все-таки...

– Герда...

– Да, генерал. Я записываю... Третье...

– Чашечку кофе, пожалуйста.

– Как всегда?

– Да. Вы свободны.

Генерал Конрад Вольф понимал, что даже сформулирует он данный план в том виде, в каком он это себе представил, то подставит под удар и себя, и все руководимое им подразделение... По крайней мере, ни мотивировать, ни как-то оправдать свои действия перед комиссией бундестага, прессой или самим канцлером он бы не смог.

Но...

«Я люблю Германию больше всего на свете...»

«Дойчланд юбер алее...»

Как сказал Отто фон Бисмарк: «Война – слишком серьезное дело, чтобы доверить его военным».

Ну а если так...

Появилась Герда и поставила перед генералом кофе в кофейнике, чашечку на блюде, сахар.

Генерал напевал Вагнера – значит, он был в прекрасном настроении.

– Спасибо, Герда, на сегодня вы свободны.

– Благодарю, герр генерал.

Конрад Вольф налил кофе, пригубил, закурил сигарету. Пятую за сегодняшний день. Значит – последнюю. В требованиях к себе генерал никогда не проявлял снисходительности. Впрочем, как и в требованиях к другим.

Осталось...

Осталось только сообщить новости коллегам. В России.

Генерал поднялся и вышел в соседнюю комнату.

Это была «чистая комната», абсолютно защищенная от любого и всякого прослушивания.

Только два телефонных аппарата. Вернее, они выглядели как телефонные...

Один – для связи с канцлером, другой...

Генерал Конрад Вольф поднял трубку второго аппарата:

– Уровень «Кондор». Прошу соответствующий уровень.

Молчание длилось не более двадцати секунд.

– Уровень «Стратег» слушает Кондора.....Генерал Вольф расслабленно сидел в кресле. Контакт состоялся.

Отто фон Бисмарк прав: «Война слишком серьезное дело, чтобы доверить его военным».

Ну а если так...

Политика слишком серьезное дело, чтобы оставить его политикам.

Глава 7

ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ

Старик неподвижно сидит в кресле. Звучит сигнал таймера, комната медленно наполняется светом. Веки старика вздрагивают.

В комнате появляются три женщины. На них – белые халаты. Они легко приподнимают сухонькое тело, переносят в соседнюю комнату.

Старика раздевают и погружают в широкий подсвеченный бассейн. Бассейн неглубок, старик сидит в нем, и вода едва доходит ему до груди. Тем не менее одна из женщин придерживает ему голову, словно это недельный ребенок. Ванна наполняется ароматной голубоватой пеной.

Старика извлекают, оборачивают в халат. Тело его трясет дрожь, на мгновение он приоткрывает глаза, но они ничего не выражают, свет словно тонет в их непроницаемой мути. Старика укладывают на кушетку, слегка массируют тело, но он продолжает дрожать.

Одна из женщин извлекает наполненный шприц и делает укол. Судороги исчезают.

Старика облачают в смокинг, усаживают на каталку. В

комнате появляется женщина в черном. Щелчок – и яркий, белый, люминесцентный свет заливает комнату.

Женщина накладывает грим умело и равнодушно. Лицо старика приобретает выражение аскетичной решимости. Занчив работу, женщина в черном исчезает.

Снова появляется медсестра. В руке ее шприц. Она приподнимает рукав, аккуратно вводит иглу в вену, медленно впрыскивает содержимое. Исчезает так же бесшумно, как появилась.

Старик остается один. Какое-то время он сидит неподвижно, потом открывает глаза. Свет играет и переливается в пурпурной глубине бриллианта. Искристые блики пляшут в расширенных черных зрачках и исчезают в их непроницаемой бездне.

КАРС, ТУРЦИЯ

Мужчина потягивается на жестком лежаке и встает рывком. Выходит в душевую, появляется оттуда в махровом халате, вытирая голову полотенцем. Темный загар, иссиня-черные жесткие волосы, короткая черная бородка... И все же он не совсем похож на азиата. Вернее – совсем не похож.

Глаза, светло-голубые, холодные, выдают в нем уроженца севера.

Мужчина скрывается в другой комнате, появляется через

четверть часа полностью одетым: на нем пятнистая полевая форма без знаков различия. Он останавливается у небольшого столика, выдвигает ящик, аккуратно вынимает контактные линзы и прилаживает под веки. Глаза его стали темно-карими, как у всех здешних уроженцев.

Мужчина приподнимает салфетку с подноса, стоящего на сервировочном столике.

На подносе – скромный европейский завтрак: обжаренный тост, кусочек масла и некрепкий кофе в пластмассовом стаканчике. Человек отламывает кусочек тоста, равнодушно пережевывает, выпивает кофе. Не спеша вынимает из металлического футляра сигару, подносит спичку, пыхает, на миг скрывшись за голубоватым облачком, словно эсминец за дымовой завесой.

Только очень близкий человек мог бы узнать в этом сухом стремительном чернобородом человеке адмирала ВМС США Джорджа Макбейна. Но таких людей в этом турецком городишке просто не было.

Макбейн выходит во дворик. Трое вооруженных людей вскакивают при его появлении. К дверям подъезжает пятнистый джип. Адмирал исчезает внутри салона.

Через пять минут машина выезжает из городка, поднимается в горы по узкой серпантинной дороге.

СЬЕРРА-БЛАНКА, ШТАТ ТЕХАС, БАЗА ВМС США

Хэлен Джонсон работает за компьютером. На экране появляются колебания курсов акций за последние несколько месяцев на всех фондовых биржах мира. Потом – сводка колебаний курсов валют. Следом банк данных на все экстраординарные события последних месяцев, зафиксированные как сенсации: террористические акты, локальные войны и динамика изменения соотношений сил в них, сенсации, касающиеся жизни и состояния здоровья ведущих политических деятелей.

Затем она вызывает на экран и тщательно изучает статистику налогового управления США.

После этого приступает к изучению агентурно-аналитических отчетов по странам.

Время от времени Хэлен Джонсон отрывается от экрана и делает только ей понятные пометки в блокноте.

Она погружена в работу. Поэтому не замечает, как сзади открывается дверь. В проеме – грузный мужчина лет пятидесяти, лысоватый, с тяжелыми набрякшими мешками под глазами. Какое-то время он смотрит на девушку, потом так же тихо прикрывает дверь.

На экране компьютера – сводки колебаний акций предприятий американского ВПК. Высокие технологии, аэрокос-

мос, самолеты, системы ПВО...

Хэлен Джонсон задумчиво грызет карандаш. Глупая детская привычка, но ей кажется, что так легче сосредоточиться.

ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ

Старик сидит, прикрыв веки. Со стороны может показаться, что он спит. Это не так. Он просто размышляет.

Он ознакомился с проектом Герцеля и передал генералу свое одобрение. Что ж, идея хороша... Но она слишком хороша для генерала Герцеля. В чем, в чем, а в людях Председатель разбирался. Людьми движут всего два чувства – жажда власти и всего, что к ней прилагается, и страх смерти. Всего два. Все остальное – производные.

Жажда власти в этом израильском генерале сильна настолько, что он не умеет ее скрывать. За такие ошибки платят очень дорого. Жизнью.

Вообще, евреи – любопытный народец. Несколько тысячелетий они держались только на идеологии – иудаизме. Не мудрено и сбрендить. Впрочем, ничего другого им и не оставалось, кроме как мудрствовать. Если им нравится считать, что на природу, Бога или людей можно влиять определенными ритуалами... Хотя они создали очень важную вещь – систему раввината, объединившего мировое еврейство жесткой дисциплиной. И умело играя на противоречиях между

великими нациями, добились исполнения того, что выдали за предначертанное: создания еврейского государства.

Да еще в Палестине. К этому и Председатель приложил руку: уж очень глупо было упускать такой шанс... Богатые нефтяные районы, а среди них – крохотное чужеродное образование, к которому потянулись финансовые ручейки из всех частей света... Оставалось немного: спровоцировать военный конфликт и питать, питать его оружием... Превращать золото в железо, которое, в свою очередь, превращается в кровь... И эта живая человеческая кровь снова вливается в финансовую систему, превращаясь в золото...

Старик полюбовался алмазом. Камень переливался алым, и Командор ощущал свое родство с ним...

Нет, среди евреев был один гений. Карл Маркс. Именно он совершил великое открытие, именно он сформулировал, что деньги – живые!

«Капитал – это самовозрастающая стоимость, или стоимость, приносящая прибавочную стоимость». И этот человек справедливо называл себя материалистом.

Правда, его дружок, Энгельс, внес изрядную путаницу: и что такое жизнь, как способ существования белковых тел, не понял ни он сам, ни остальные... А вот определение капитала, как живого существа, питающегося трудом людей...

Быстрее всего Капитал растет на человеческой крови...

Карфагеняне, приносившие жертвы Молоху, были провидцами; и хотя иудеи называли жертвоприношения «мер-

зостью аммонитскую», и хотя римляне разрушили Карфаген до основания – природу человечью не переделать. Люди по-прежнему стремятся к власти и сеют смерть... и Капитал растет... «Капитал есть самовозрастающая стоимость». Маркс дурак, как и всякий гений. Он заболтал собственное открытие – нельзя контролировать Капитал, как нельзя контролировать людские пороки и страсти... Природу человечества не переделать... А значит...

Земля будет безвидна и пуста, и тьма над бездною...

Над этим стоит потрудиться.

А с евреями произошел любопытный казус. Спаянные когда-то жестокой дисциплиной раввината, объединившись в конце прошлого века в Сионистский конгресс, евреи своей активностью помогли Совету заработать огромные деньги... А вот теперь многие в Израиле вовсе не хотят никакого мирового господства – хотят просто жить... Но тогда нарушится мировая гармония в поступательном движении человечества к смерти. И вся банковско-промышленная система понесет невосполнимые потери... Капитал – это самовозрастающая стоимость, и он требует не просто труда, но крови...

Ненависть – хорошая приправа...

Разделяй и властвуй!

Вот только Россия... Эта страна беспокоит. Особенно ее неумный коварный лидер. Если этот человек и задумывает что, то держит свои мысли при себе. О том, что он хочет сделать, узнают, как правило, уже после того, как игра сыграна.

Но...

Военно-промышленный комплекс России слишком важен, чтобы оставить его русским. Стабильное противостояние этой страны и США дает лишь медленные деньги.

План Акции по России продуман хорошо. Осталось выполнить. Вот только поручать это Герцелю... Председатель слишком хорошо знал людей, чтобы поступить так опрометчиво.

Председатель берет трубку:

– Командор.

– Гриффитс слушает Командора.

– Утверждаю план по проекту «Акция». Позаботьтесь о поддержке силового варианта Акции со стороны ЦРУ и АНБ и заблаговременной ликвидации всех источников возможной утечки информации по Акции, даже предположительных.

– Есть.

– Второе. Вы персонально отвечаете за режим по Акции в Соединенных Штатах.

– Есть.

– Третье. Проведите необходимые переговоры и иные действия, необходимые для поддержания всей операции по уровням «Альянс» и «Янус».

– Есть.

– Вы и подчиненные вам структуры с начала операции поступаете в полное распоряжение уровня «Советник».

– Есть.

– Я имею в виду не просто тактическое подчинение, но полное беспрекословное повиновение. В стратегических вопросах включительно.

– Да, Командор.

– Гриффитс... Совет учел ваши разработки по выборам в Штатах. Можете рассчитывать на поддержку Совета.

– Благодарю, Командор.

Лампочка на индикаторной доске погасла. Командор прервал связь.

Гриффитс... Так называли человека-невидимку из романа Герберта Уэллса, который старик читал еще в детстве. Гриффитс – это тень президента США, ее все видят, но никто не подозревает об ее истинном могуществе. Впрочем, сам этот человек считает, что работает во имя некоего блага... Хм... Как жили бы люди без заблуждений? Без заблуждений они только умирают. Каждый – в одиночку.

Гриффитс должен быть уверен, что проект «Акция», включающий силовую Акцию, и подразделения «Альянс» и «Янус» – единственные.

Но он, Председатель, должен думать глубже. Много глубже. И помнить давнее изречение: «Короли царствуют, но не правят».

– Командор.

– Шейх слушает Командора.

– Предпримите усилия для активизации мероприятий на

Ближнем Востоке.

– Есть.

– Любыми средствами.

– Да, Командор. Мы готовы.

– Мир вам.

Председатель сидит в кресле. Перед ним – фотография мужчины. Корреспондент Малого Совета в России. Средний возраст, средняя внешность. Но вот возможность влияния на события – почти неограниченная... Если добавить к вариантам «Акция» и «Янус» тот, что старик так тщательно обдумал в тиши кабинета... Изложение этого, третьего, варианта было передано Советнику – так называли корреспондента. А это человек из самого ближнего окружения русского «царя».

Председатель взял листок бумаги, перечитал текст!

«Командор – Советнику. Для успешного решения русской проблемы приказываю:

1. Провести все необходимые мероприятия по проекту «Акция».

2. Провести всю необходимую работу по проекту «Альянс». Активизировать все структуры для поддержания проекта «Альянс». Считать проект «Альянс» отвлекающим вариантом.

3. Основным вариантом считать разработку проекта «Янус». Запасным основным вариантом считать разработку проекта «Джокер». Проект «Джокер» известен только вам, вы несете персональную ответственность за его проведение.

В случае форс-мажорных обстоятельств с проектом «Янус» проект «Джокер» считать основным.

Командор».

Председатель нажимает кнопку на пульте. В комнате появляется женщина в черном. – Зашифруйте и передайте.

– Да, господин Председатель.

КАРС, ТУРЦИЯ

Адмирал Макбейн чувствовал себя усталым. Крайне. Если бы кто знал, как надоели ему эти чужие горы, эти люди, больные войной...

Война была профессией адмирала. Но здесь... Ему казалось, что он готовит не войну, а убийство...

Нет. Это просто возраст. И еще – ночами ему снилась стройная светловолосая американка... Хэлен Джонсон. Здесьние красавицы были слишком покорны. Или – слишком понятны... Или... Нет, он не умел формулировать... Просто знал, что ему нужна Хэлен Джонсон. И еще адмирал знал, что сделает все, чтобы эта порывистая, непредсказуемая, искренняя и загадочная девушка была с ним рядом. Всегда.

Обучение боевиков закончено. Но Макбейн не ощущал удовлетворения от сделанного... Хотя... Высокий чин из Белого дома, беседуя с Макбейном, выразился примерно так: все, что вы будете делать, – на благо Соединенным Штатам...

Ну что ж... Трудиться на свою страну и получить за это несколько десятков миллионов...

Просто он устал. И еще – ночами ему снилась стройная светловолосая американка...

Здесь работа закончена. Теперь предстоял утомительный перелет на маленьком маневренном самолетике в Афганистан, оттуда – тяжелый переход в Горный Бадахшан... Скоро у русских будут проблемы.

Адмирал допил виски, встал под душ, пустил воду...

Странно, все шло хорошо, даже очень хорошо, но его не оставляло ощущение досады – словно от чего-то несделанного или упущенного.

Стоп. Долой эмоции. Это спутник старости. Его группа уже в Хороге, и адмирал намерен к ней присоединиться.

Через полчаса адмирал выходит из домика. Строг, подтянут, стальные голубые глаза – как два кубика льда. От этого мужчины исходит холодная властная сила.

Охранники вскакивают при его появлении. Подкатывает джип. Охранники переводят дух, только когда машина отъезжает. Они даже не заметили перемены цвета глаз.

Никто не любит встречаться взглядом с этим чужаком. Между собой горцы называют его просто: Мастер Смерть.

Макбейн смотрит из окошка легонького двухместного самолета на горы внизу.

Да, эти люди больны войной. Как и эта земля. А он, адмирал Макбейн? Нет. Он профессионал. Это просто его работа.

Хм... Адмирал не хотел лгать себе. Война – не просто работа. Война – это его жизнь.

СЬЕРРА-БЛАНКА, ШТАТ ТЕХАС, БАЗА ВМС США

Грузный мужчина лет пятидесяти, лысоватый, с набрякшими мешками под глазами, сидит, откинувшись в кресле, положив ноги на край стола. Третий martini еще до полудня... Его, Дэвида Брэга, засунули в эту гнусную дыру... А эта сучка, его жена Грей, сейчас развлекается... Эта жирная шлюха совсем свихнулась после сорока – просто выезжает на автостраду и подбирает всяких бродяг... Дэвид Брэг был уверен, что из министерства его задвинули в этот, паршивый городишко именно из-за нее... Реноме берегут... После скандала с Эймсами стали бояться прессы, как черт лаdana... И его, ведущего сотрудника отдела внутренней безопасности, заставляют торчать на этой вылизанной базе, где морские пехотинцы ухмыляются ему вслед и считают алкашом и педиком...

Дэвид Брэг ненавидел. Он ненавидел эту базу, этих поджарых молодых парней, которых интересовали только шлюхи, эту стерву Джонсон, безгливого взгляда которой он просто не переносил...

Брэг наполнил бокал до краев, напихал льда. Отхлебнул, поморщился – напиток был отвратительно теплым.

Он отомстит. Отомстит всем им. Нужно... Нужно просто покопать...

– Сэр, рабочий день закончен. Я могу идти? – звучит по селектору.

Брэг вздрогнул – как эта паршивая сучонка произносит слово «сэр»...

Кажется, он видит даже высокомерно опущенные уголки рта на ее смазливой физиономии...

Брэг разлепил влажные губы:

– Да. Вы свободны.

Хм... А кто освободит его, Дэвида Брэга... В этом паршивом местечке нет даже путевого бара, где могли бы собраться мальчишки...

Ничего, он отомстит им всем... И особенно этой высокомерной шлюхе Джонсон.

Он прочел ее личное дело. Оказывается, она еще и богата. Чертовски богата. Будь у него, Дэвида Брэга, столько зелененьких, он бы нашел им применение. А не сидел бы в этой вонючей дыре.

Так что вопрос номер раз. Почему? Почему двадцатидвухлетняя красотка торчит на закрытой базе ВМС вместо того, чтобы облизывать кобелей на Гавайях или во Флориде? Хотя кобелей и здесь ей хватает, но за свои деньги она может купить дюжину таких тупоголовых вояк в беретах. И еще – ее прошлое. Что-то не нравилось в нем Дэвиду Брэгу.

Говорят, она была подружкой адмирала Макбейна. С этим

волком Брэг связываться не хотел. Но... Адмирала нет. И неизвестно, где он. И когда объявится.

Ничего... Он докажет этой суке, что он, Дэвид Брэг, не мебель. Нужно...

Нужно просто покопать... Там, где не копал до него никто.

Брэг выпил бокал до дна. Сел перед компьютером. Набрал личный код сержанта ВМС США Хэлен Джонсон. Ну а теперь – ставить запрос... Вот только... Вот только как его сформулировать и мотивировать... Хотя... Нет, не это беспокоило майора Дэвида Брэга. Он не хотел подписывать запрос своим аттестационным номером.

Оставалось... Да, оставалось взять аттестационный номер какого-нибудь солдафона, имеющийся в Центральном опознавательном компьютере, добавить свой шифр допуска, вот так... Теперь... Теперь сформулируем... Хм... Бред, но пусть поищут... среди фотомodelей... Причины: неуплата налогов?.. Пусть и это будет... Но главное... Да... Несанкционированный доступ – это заставит ребят покрутиться у мониторов по-серьезному. А пока они разберутся, что им запустили «дурочку», глядишь, что-нибудь и накопают...

Дэвид Брэг постоянно прихлебывал из бокала, доливал снова прихлебывал... Им овладело какое-то азартноебезумие: один за другим он набирал коды адресатов запроса: Агентство по Национальной безопасности, студии Голливуда, газеты и журналы, архивыбиблиотек и видеотек, Интер-

пол, частные клубы Нью-Йорка, Филадельфии, Атланты...

Он работал уже третий час, строчки и цифры на экране компьютера прыгали, мелькали, дробились, но Брэг продолжал стучать по клавишам наборной панели с упорством мертвеца пьяного человека... Последнее, что он сделал перед тем, как отключиться, – зашифровал адрес получателя именем своего черного друга:

«Толстый Том».

Как он вышел из кабинета, как добрался до домика, Брэг не помнил. Он только чувствовал взгляды подтянутых морских пехотинцев, взгляды, полные безразличия... Это наполняло его горечью и ненавистью, но в пьяном отупении эти чувства утратили остроту – просто саднило, словно от застарелой занозы...

Брэг рухнул на кровать, и тут... Приступ дикого, животного страха скрутил судорогой его мягкое рыхлое тело, изо рта потекло, он вскочил, заметался по комнате, его вывернуло наизнанку прямо на пол, сознание померкло, он упал – почти без чувств и без сил... Только где-то в подсознании брезжило ощущение, что он сделал что-то чрезвычайно опасное. Смертельно.

ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ

Председатель сидит перед огромным экраном. Тело неподвижно, лицо лишено грима, тонкие бесцветные губы, заост-

рившийся нос с горбинкой и втянутые щеки...

Блеклые блики пляшут в расширенных черных зрачках. Цифры, цифры, цифры... Биение пульса человечества. Пора.

– Командор вызывает Шейха.

– Шейх слушает Командора.

– Приказываю начать Акцию по Израилю. Евреям нельзя верить. Они должны занимать то место, которое им назначено.

– Да, Командор.

– Мир вам.

– Командор вызывает Кремера.

– Кремер слушает Командора...

Председатель представил, с каким чувством сжимает трубку Йоахим Герцель...

Его волнует власть. И – война. С него пока хватит той власти, что он имеет.

– Приказываю начать Акцию по Израилю. Арабам нельзя верить. Они должны занимать то место, которое им назначено.

– Да, Командор.

– Мир вам.

«Уровень „Командор“. Советнику. Приказываю начать Акцию по России».

Вот и все. Русские любят праздновать. Пьянка начинается задолго до католического Рождества и заканчивается старым

Новым годом. Потом – похмелье.

Похмелье у них будет тяжким... Русские должны занимать то место, которое им назначено. Пока не придет время... И земля станет безвидна и пуста...

Старик сидит недвижно. Он любит камень. Затухающий свет играет, переливается в пурпурной глубине бриллианта. Искристые блики пляшут в расширенных зрачках и исчезают в их непроницаемой бездне.

Старик опускает веки.

Он знает то, что дано постичь каждому, но выполнить предназначено именно ему...

ТОТ, КТО ПРАВИТ ВОЙНОЙ, – ПРАВИТ МИРОМ.

БЛИЖНЕЕ ПОДМОСКОВЬЕ, РОССИЯ

Пламя совершенно прозрачно. Лишь иногда язычки окрашиваются алым и голубовато-сиреневым.

В комнате сумрак зимнего утра. Огромное окно полуприкрыто жалюзи, за ним угадываются силуэты высоких сосен. Небо светлеет на востоке – день будет ясным.

Мужчина аккуратно снимает широкую бронзовую джезву со спиртовки, вливает глинтвейн в массивный стеклянный кубок с вензелем и гербом. Смотрит сквозь напиток на пламя – цвет темного рубина.

Мужчина высок, плотен и, должно быть, очень силен. На нем свитер свободной вязки, широкие брюки, на вид ему за

пятьдесят.

Он подносит напиток к губам, осторожно пробует, подходит к низкому креслу перед камином, ставит кубок на столик, удобно усаживается, вынимает из коробки тонкую сигару, раскуривает, пыхая невесомым голубоватым дымом. Поджигает специально наколотую тонкую лучину, смотрит на огонек, подносит к скрученной бересте под золотистыми поленьями. Береста занимается с легким потрескиванием, пламя охватывает поленья. Камин начинает слегка гудеть. Огонь ровный и мощный.

Мужчина берет кубок, делает маленький глоток и любитесь огнем сквозь напиток: цвет пурпура с золотом.

Встает, подходит к небольшому столику с отдельно стоящим аппаратом без наборного диска. Поднимает трубку.

- Уровень «Стратег» вызывает уровень «Цезарь».
- Цезарь слушает Стратега.
- У нас все готово. Сейчас – самое время.
- Я просмотрел приготовленные вами бумаги. Согласен.
- Начинаем?
- Да. Немедленно.
- Есть.
- Уровень «Стратег». Вызываю все уровни.
- Уровень «Центурион» на связи.
- Есть.
- Уровень «Трибун» на связи.
- Есть.

– Уровень...

– Приказ всем уровням: операция «Рубикон».

– Есть.

– Начало – немедленно.

– Есть.

Мужчина садится в кресло перед камином. Делает глоток из кубка. От камина идет тепло. Поленья прогорели, но новых он не подкладывает. Чуть припорошенные пеплом угли светятся густо-малиновым.

Он спокоен. Он знает, как побеждать. Всегда.

**ВОЙНУ НУЖНО ОБЪЯВЛЯТЬ ТОГДА, КОГДА ОНА
УЖЕ ПРОИГРАНА ПРОТИВНИКОМ.**

Глава 8

МОСКВА, РОССИЯ

– Вот, блин, заладили... «Учитель – самая мирная профессия», «строитель – самая мирная профессия», «врач – самая мирная профессия»... Дрон, ты все знаешь о... Какая профессия самая мирная?

«...учитывая огромную силу инерционного мышления...» – шлепаю я по клавиатуре компьютера, – Что?

– Ты когда-нибудь от «ящика» оторвешься?

– Ну...

– Какая профессия самая мирная?

– С чего это ты завелась?

– А интересно. По телику только что сказали, что – журналист. Дескать, снимают войну, а сами не стреляют. А их съемки – предупреждение человечеству.

– Людей нужно хвалить. И им приятно, и для дела полезно.

– Но это же муть! Зеленая!

– Не бери в голову.

– ...а бери в рот.

– Аля, мы же договорились: ты не ругаешься матом и не

употребляешь идиотского сленга.

– Помню. А также вино, водку, траву, «колеса»...

– Девочка, ты очень красива, но когда с твоих губ срываются выражения...

Все очарование теряется.

– Правда?..

– Да.

– Ну тогда я больше не буду.

– Вот и умница.

– Блин, Дронов, ты такой правильный!

– А без «блин»?

– А чего? Блин – слово русское. Народное. Продукт.

– Во-во, продукт. Чем зря базлатъ, пошла бы приготовила чего-нибудь. На зуб. А то и на два.

– Дронов, хреновый из тебя сэнсэй. Девушка, можно сказать, только-только на путь истины завернула, а ты сразу – «базла-а-ать».

– Ну. А чем ты сейчас занята? Именно этим. Я-за точность выражений.

– За то-о-очность... Ну тогда ответь: какая профессия самая мирная? Что, не знаешь?

– Знаю.

– Ну и?..

– Солдат-миротворец.

– Ты серьезно?

– Еще как.

– Тут же слова не сочетаются. Солдат – это мужик в каске и с автоматом. А миротворец – это голубь с веткой в клюве.

Девушка прыснула в ладони, закрыла лицо, упала на колени, согнулась, вздрагивая от смеха:

– Ну, Дрон, ты отмочил... Это... это... полный отпад... солдат... миро... творец... – Подняла носик в веснушках, пытаясь придать лицу серьезное выражение, а глаза продолжали смеяться. – Ты извини. Просто представила себе громилу в пятнистом комби с автоматом, гранатометом, мордой лица «а-ля коммандос» – и веточкой... в клюве... Ха-ха-ха... Я не могу.

Аля снова подняла голову, но лицо ее на этот раз было совершенно серьезно и чуть печально.

– Дронов, они что, издеваются над нами? Я даже не спрашиваю, кто – «они».

Под словом «они» в России всегда понимались люди, стоящие вне законов совести и законов вообще. Раньше это были только власти, теперь к ним прибавились новые русские, бандиты, банкиры – да мало ли... Все, стоящие по ту сторону кормушки.

Ведь кормушка по-прежнему одна – труд людей. Богатства создаются только трудом и талантом, ничем иным. И от того, кто присваивает – коммунисты, демократы, бандиты, – людям легче не становится...

– Ага, – киваю я.

– Дрон, у нас как две страны – в одной мы живем, другая

– в телевизоре. В этой другой живут куда лучше.

– Есть еще третья. Там живут БОВы.

– Кто?

– Богатые-Ответственные-Властные. Они же – Важные.

– А-а, знаю. ВИПы. В Америке они так называются. Вери импортэнт персонз.

Как у меня с английским?

– Отлично. Вот только произношение матерное.

– Фи... Мог бы соврать. И сделать девушке приятное. Ладно, пусть будут БОВики. Раз тебе так нравится.

Ну да. Мне так нравится больше. Ибо аббревиатура БОВ расшифровывается как «боевые отравляющие вещества». Образ жизни БОВиков напрямую не рекламируется телевидением, но от этого он не становится менее ядовитым для людей. «А вот в Анталию кому? А кому – в Бразилию?!» «А вот зайца кому, кому выбегайца...»

Услуги наши – деньги ваши.

А по ТВ – лишь отзвуки многомиллионных скандалов, вроде шоу:

– Украли! Караул!

– Много украли?

– У-у-у-у...

– А деньги чьи?..

– Так народные!

– А-а-а-а...

– Ищите! Вы же на то поставлены!

– Ну-у-у...

– Так найдете?

– Ну... Найдем... А зачем?

Вывод для робко подрастающего поколения: если можно украсть много, вернее – очень много, и никто даже искать не будет, то украсть чуть-чуть или отобрать – так это вообще ничего... А жить как-то нужно... А машины по проспекту шуршат – блин... А телки в них – вообще, блин... Так чего мы, ребята, козлы, что ли, совсем? Ну так давай!..

Козлы. Полные козлы. Потому как искать никто не будет, только если украсть много. Вернее – очень много. Потому что это не кража, а... Статистика. Кто представляет себе, что такое миллиард долларов? А – два? Водка... бабы... яхта... самолет... Все, исчерпался, соколик? Вот и я не знаю, сколько это.

Ста-ти-сти-ка. Уразумел?

Все, как завещал Великий Кормчий. Он же – Отец Народов. Он же – Коба. Он же – Сосо. Он же... «Если погиб один человек – это трагедия. А если миллионы – уже статистика».

Так что ты там, малый, сотворил? Квартирку выставил? Старуху процентщицу уколошил вместе с богобоязненной соседкой Лизонькой? Нет? А-а... Изнасилование двух девочек («Да они сами напросились!...»), заткнись пока, убийство пенсионера-ветерана («Да я его легонько, для остротки, а он взял да и „кони двинул“...), что еще? Убийство путем нанесения тяжких телесных двум мужчинам...

(А чего они, ффраера... За что? А пусть не выступают!...) Ну что, малый, вышка тебе!

– Да пошел ты, мент поганный, ты в суд передавай, а они пусть свидетелей еще поразыщут, и вообще, мне восемнадцати нет, а Кольке хоть есть – у него справка из «дурки»... Что, сожрал, мусорок? В рот я тебя имел!..

– Ошибочка твоя, малый. Не мент я.

– Не мент? А, один хрен. Веди в клетку.

– А зачем?

– Как это зачем?

– Возмущенной общественности не нужна твоя временная изоляция. Тем более время уже очень короткое: сам ведь говоришь – свидетели, доказательства...

– Ну?..

– Возмущенной общественности нужно, чтобы тебя не было. Совсем.

– Ты брось это, ты кто вообще такой?

– Представитель общественности.

– Веди в клетку давай, козел!

– И за козла – ответишь. По совокупности. Дальше? Дальше карьер какой-нибудь за городом... Две пули: одну – «несовершеннолетнему», другую – его дружбанку со справкой... Дураков лечить – только лекарства тратить...

Найдут трупы? Да никогда! Собак одичавших, лис, воронья вокруг карьера...

Не, что-то, может, и найдут... А вот идентифицировать...

Протоколы составлять...

Какому отделению милиции такие «глухари» нужны?..
Вот и соображай...

– Начальник, ты что, серьезно?..

– Да какие уж шутки... Автомат полновесный без дураков, каска кевларовая, комби... Усекаешь?..

– Серый волк, что ли?

– Не... У СОБРов ты бы сейчас кипятком писал... Если бы было чем писать...

– Так кто ты, начальник?..

– Ветку в зубах видишь?

– Ну вижу. Курить, что ли, бросаешь?

– Не-а. Ветка какая?

– Хм... Зеленая.

– Оливковая ветка, понял?

– Ну...

– Картину Пикассо видел? «Голубь мира» называется.

– Да я...

– Понятно. Запомни, дебил. Мужик с веткой в зубах – это ми-ро-тво-рец.

Уяснил?

– Ну...

– Уяснил, значит. Так вот, я – солдат-миротворец. Представитель миролюбивой общественности. Так что, оревуар, дорогуша, как сказали бы в Париже. В штаб-квартире ихнего ЮНЕСКО. Гуд-бай, в переводе.

Вытягиваю из поясной кобуры тяжелый револьвер.

– Братан, погоди...

– Сенегальский койот тебе братан.

– Да у меня бабок...

– С собой возьми...

Двумя пальцами взвожу курок и поднимаю ствол. Осечки оружие не даст. Голова бандита сейчас просто разлетится на куски – 45-й калибр, длина ствола – 190 мм, отсюда начальная скорость пули... Короче – опознавать будет нечего. А после собак-бродяжек – и вовсе.

Оружие мне под стать. И по калибру, и по названию. «Миротворец» образца 1872 года, самая популярная модель полковника Самюэля Кольта. Особенно на американском Западе, бывшем в то время «диким». В самой демократической из стран порядок уже тогда наводили безо всяких судебных проволочек и мировых судей – тем более что это вполне сочеталось с самой демократической на то время конституцией...

Палить из «миротворца» имели полное право не только шерифы, но и вполне законопослушные граждане. Чем и выбили из нарушителей спокойствия охоту нарушать закон. Вместе с мозгами.

Пора продвигать достижения американской демократии в Отечестве. Тем более у нас что запад, что восток, что центр – диковаты.

Огонь?..

Огонь!

Напряженно жму собачку, стараясь, чтобы ствол не слишком отклонился от линии прицела... Спуск у «миротворца» жестковат, нужно бы на будущее отверточкой подрегулировать...

– Все готово!

Как? Уже? Я же выстрела не слышал...

– Так ты есть будешь?

Поднимаю голову со столика. Передо мной экран компьютера с маловразумительной записью: «...учитывая огромную инерционную силу мышления электората...» Тряхнув головой, снова пытаюсь уразуметь смысл набранного текста.

Тщетно. Глупость – она и в Африке...

– Буду. – Поднимаюсь и бреду на кухню. А все же было во сне нечто знакомое... Или – полезное. Точно. Способ борьбы с мафиозным беспределом. Все ищут пути, как крестных пап пересажать. Законов ждут. Пусть ждут – уж очень много нужно условий для их принятия: и чтобы четверг, и чтобы дождичек прикрапывал непременно, и чтобы рак насвистывал что-нибудь приятно-патриотическое, «союз нерушимый...», к примеру, или «ах, лимончики, вы, мои лимончики...», и чтобы вечерний бриз волну гнал, и не как-нибудь, а ла-а-асково...

Способ, наваянный мне Морфеем, сиречь сном, проще, а главное, конструктивнее. По простоте приближается к устройству дорогого мне «АКМа». Лучше – пулемета: там

пуля весомее.

Так что совершенно неверно откручивать головы «папам» преступного мира: для этого, как минимум, такого «папу» еще разыскать нужно – не любят они афишировать род своих занятий. Гораздо проще – «руки им поотрубить»! В переносном смысле, конечно. И – ноги повыдергивать. В том же смысле. А именно: перестрелять боевиков всех известных преступных группировок. В назидание, так сказать. То есть – уничтожить физически.

«Яйцеголовые» криминологи тут же накатают по умному трактату: мафия-де – это «гидра», и вместо одного обрубленного щупальца отрастут десять новых, ядовитее прежних... Ну и в том же духе.

Интеллигентские бредни!

Это сейчас они, сиречь команды боевиков, растут, как грибочки после летнего дождичка. И ножик грибника – наш многоуважаемый УК – их пугает, как зверь Кинг-Конг ракету «СС-20». Авторитетная 77-я, став самой популярной, легко переквалифицируется судебскими стряпчими... Как любил повторять дядюшка Скрудж:

«И чего не сделаешь за деньги...» И правильно: то, чего не сделаешь за деньги, сделаешь за очень большие деньги... Ну а ежели... Как говаривал рецидивист Артист в образе Леонида Ильича из какой-то комедийки: «Если человека нельзя купить, его нужно убить. То есть – уничтожить физически...»

Бандиты понимают и уважают только один закон: право сильного.

И никакие новые щупальца у гидры не отрастут: это сейчас у «уродов» и «быков» – и деньги, и девки, и иномарки, и высокий социальный статус – «уважаемые», при совершенно невероятной перспективе «подсесть» и уж при полностью исключенной возможности попасть под вышак. А при бескозырных раскладах – пойдешь на дело? Или лучше все-таки «в люди», через заводскую проходную?.. Это ничего, что «Прима» вместо «Кэмела», это ничего, что «сучок» тамбовского разлива, а не «Абсолют», это ничего, что девка твоя не совсем похожа, вернее, совсем не похожа на Клаудиу Шиффер, и чтобы сделать ее ноги сто десять сантиметров, нужны каблуки сорок пять... Все это ни-че-го, главное – живой, и все пути перед тобой, как в песне... Или – не все? Ну и фиг с ними, всех-то никогда и не было! Живи, стручок!

– Дронов, ты, конечно, большой мыслитель... Но сказал бы сразу, что хочешь фаршу... Я бы приготовила...

Гляжу на тарелку. Для того, во что я превратил средне-прожаренный бифштекс, фарш – слишком нежное понятие. Скорее – суфле. Из мяса и сопутствовавшей ему картошки. Судя по запаху, она была жареная фри, соломкой. Э-эх... Мое любимое блюдо. Было.

Тем не менее заливаю вновь созданное с помощью ножа и вилки блюдо кетчупом и отправляю порциями в рот.

– Ты бы лучше ложкой, – советует девушка.

– А я не ищущу в жизни легких путей. – Подбираю оставшиеся корочкой хлеба.

Отчетливо понимая, что нож и вилка в руках «солдата-миротворца» – оружие ломовое.

– А какие ищешь?

Детские вопросы всегда ставят в тупик. И не только меня. Множество людей живут так, словно собираются жить всегда. То есть – никак. «Ты чем занят?» – «Ничем. Живу».

Самый «детский» из всех детских вопросов – зачем? Последовательная постановка этого милого вопроса по отношению к чему-либо – будь то «единственно верная идеология», ведущая все человечество в целом и каждого индивида в отдельности к очередному «светлому», будь то программа политической партии или бюджет страны, будь то военная операция или поступок отдельного «маленького человека» – приводит к пониманию истинных причин тех или иных действий.

Как правило, выясняется, что мотивировки самых значимых с виду проектов – пусты, мелки, ничемны... А за завесой Самой Общечеловеческой Идеологии или Самой Тайной Организации, созданной не иначе как из избранных и занятой не иначе как проталкиванием бестолкового человечества по пути «Прогресса и Разума», скрыты ничтожные амбиции кучки мелких, насмерть перепуганных людишек, более всего остального боящихся жизни, а поэтому сеющих вокруг себя смерть – Дрончик, ты чего, на «полной измене»? –

Девушка участливо-серьезно смотрит мне в глаза. В переводе со сленга на русский литературный – если таковой еще остался – «подсесть на измену» означает множество понятий – от ностальгии и фрустрации, или, переходя с русского современного на просто русский, тоски, беспокойства, хандры, уныния, разочарования, до бездеятельности, ропота, дурных и немотивированных поступков.

– Угу, – киваю я. – На отстраненку подсел. Лисенок, ты когда-нибудь по-русски говорить научишься?

– Да хоть щас. А на фига? По-моему, все и так обходятся...

И здесь девчонка права.

«На брифинге был озвучен релиз спикера по поводу продолжающихся поисков консенсуса между отдельными фракциями...» Сам-то понял, что сказал? А не важно.

Осталось только лозунг повесить: «Решения брифинга – в жизнь!», а рядом – «Пусть живет в веках имя и дело Великого... и Ужасного!»

Ох уж эти сказочки, ох уж эти сказочники...

– Дрончик, а хочешь я скажу, какая профессия самая мирная?

– Еще бы!

– Проститутка!

– Ну да... Политическая?

– Чего?

– Политическая проститутка?

– Это чего, которая с дипломатами трахается?

– Нет. Это в переносном смысле. Так дедушка Ленин называл когда-то одного своего соратника. Но сотрудничества притом с ним не прекратил.

– Дрон, у тебя одна политика в голове. Самая обыкновенная проститутка.

Которая дает. Усек?

– Не вполне.

– Мужчины агрессивны по природе. У них... как это сказать... природа такая...

– Планида...

– Ну вот. А если все будут трахаться сколько угодно, то о войне думать просто будет лень. Спать им захочется.

– Девицам?

– Да мужикам!

– Лисенок, ну ты прямо по Фрейду излагаешь...

– Фрейд... А кто это?..

– Один психоаналитик.

– Больной, что ли?

– Вообще-то... Да. Больной.

– Дрон! Не сбивай меня! Я-то здоровая!

– Кто бы спорил...

– Ну чего ты смеешься...

– Нет, Лисенок. Не подходит. На проститутку еще денег нужно заработать. А тут – без войны не обойтись. Так что «солдат-миротворец» – оно надежнее.

– А еще надежнее – «самолет-мироворец»... Как там по телику базлали?.. С «ювелирно-ковровым» бомбометанием. Отработал – и чистенько. Воевать-то некому станет! Съел?!

– Ага. Чайку нальешь? Запить?

– Налью.

– И телик включи, если не трудно.

– Не трудно. Олег, ты бы отдохнул лучше... И так ведь от «ящичков» не отходишь. – Девушка кивает на компьютер.

– Зато на работу ходить не надо.

– Да ты круглые сутки на работе. Даже когда спишь.

– Когда сплю – особенно.

А вообще-то девочка права. Состояние тупой усталости и тоскливой, щемящей пустоты не оставляет меня...

И дело вовсе не в работе...

Просто работа – единственное, что у меня есть. И та – нереальна и призрачна, как все происходящее в стране и в мире...

Как ранние синие сумерки за окном...

Словно мир готовится к чему-то и за бесконечной чередой терактов, взрывов, крови последует что-то важное и значительное...

Или – убийственное?..

И череда актов насилия – просто самозащита единого живого организма, называемого человечеством, боящегося взглянуть в лицо наступающей неизбежности...

Чего?..

Гибели или выживания?..

«...На Гаити под наблюдением шести тысяч миротворцев прошли всеобщие президентские выборы...»

«...в ежегодном послании Конгрессу о положении страны Президент США в области внешней политики, призвал Америку играть роль не мирового полисмена, но глобального миротворца...»

«Туркменистан является на сегодняшний день самой политически и экономически стабильной республикой бывшего Союза. Здесь нет конфликтов и раздоров, нет межнациональной розни, митингов, демонстраций. За продление пребывания Сапармурата Ниязова на посту президента еще на один пятилетний срок на Всенародном референдуме проголосовало 99, 99 процента избирателей».

«...по сути дела, в свете реалий современной России, когда даже не десятки, а сотни партий от имени народа борются за власть, преследуя собственные корпоративные интересы и руководствуясь прежде всего личными амбициями своих лидеров, именно Президент России как гарант Конституции способен объективно стать выразителем объединенных устремлений российской нации...»

– Дрон, а зачем ему это надо – снова двигать в Президенты?.. Должность по нонешним временам хлопотная, и со здоровьем у него вроде бы неважно... Взял бы и передал кому-нибудь власть...

– Милая барышня... Власть никто никогда никому не пе-

редает. Ее всегда – захватывают.

Глава 9

Сажу перед мерцающим экраном компьютера, и в голове – ни одной мысли.

Только их составляющие – обрывки слов, понятий, символов... И вместо пустых и никчемных умствований хочется погрузиться в сюрреально-сиреневый мир Врубеля, плавать во влажно-мерцающем тумане Эдгара Дега, постигать спокойную сосредоточенную мудрость «Старика» Рембрандта или попросту заблудиться в «Красных виноградниках» Винсента Ван-Гога...

«Москва златоглавая, звон колоколов...» И еще – Бунин и лошадка с мохнатыми от инея ресницами, и шампанское у «Яра», и незнакомка, укутанная в меха, и...

А что мы имеем по факту?

А по факту мы имеем здоровенную «простыню» из сорока трех избирательных объединений по отшумевшим выборам в Гэ-Дэ, комментарии к ним со стороны всяких «...ологов», катящиеся, словно снежный ком, «судьбоносные перемещения» во власти и около нее, похудевшего и деятельного Президента в шапке серебристого соболя, тихо чахнувшего рядом молчаливого Премьера, нарастающую нестабильность во всем исламском пространстве СНГ и окрестностях, расовые беспорядки среди эфиопских израильтян, серию терактов в Иерусалиме, перетасовку губернаторов и представи-

телей Президента на местах, юбилей чистокровного орловского рысака, год Красной крысы, выстроенный в астрале «малый парад планет», и прочее, прочее, прочее... Среди прочего – притихшую, затаившуюся на громадном пространстве заснеженную страну, уставшую от вранья и мздоимства, от тьмы чиновников и безвластия, недоедающую и пропадающую в пьянстве и во что-то верящую, и на что-то надеющуюся...

Весны бы дружной...

Дождичка бы теплого...

Царя бы доброго...

«Земля наша велика и обильна, вот только порядка в ней нет...» – записал тысячелетие назад летописец... Или для Руси – тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет?..

Ладно, к делу.

На чем я прервался...

«...учитывая огромную силу инерционного мышления...
э-э-э... электората...»

Блин! Если я еще по-русски говорить не разучился, то на бумаге излагаю вполне на «общеевропейском»...

Любопытно, а на чем будет общаться самое подрастающее из поколений – те, кому сейчас десять, семь, пять? И о чем они говорить будут, если в школах почти не изучают русскую историю – есть «всемирная», если просто литература исчезла вовсе, а осталась лишь «массовая» и «элитарная», если

родители этих самых пятилетних сидят то на «Просто Марии», то на «Тропиканке», то на «Санта-Барбаре», как на игле, и жизнь прямых, как строганные доски, «сериалогероев» давно стала личной жизнью миллионов семей, в то время как другая половина существования проходит просто в добывании средств на это самое существование! Люди словно переживают собственную жизнь – от сериала до сериала... И если к чему-то обрели привычку – так это к инъекции насилия и к крови, ко лжи и беспомощности властей... – «ящик» дозирует информацию достаточно регулярно и размеренно... Зачем?

Осталось задать самому себе извечный русский вопрос: «Что делать?», распечатать бутылку «Распутина» и решать сей вопрос последовательно, до полного отпадения «аппарата мышления» на доньшко граненого «хрущевского»... На завтра вопрос стоять уже не будет: «Что делать?» – «Голову поправлять!»...

«Чью?»

«Известно чью...» – и глазами куда-то вверх...

«Они там, блин, а мы тут – хоть загибайся...»

Заодно – и «ответка» найдена на другой извечный русский вопрос: «Кто виноват?» – «ОНИ!»

Ну а кто «они» – в зависимости от ситуации: «мировая буржуазия», «кулачество как класс», «троцкистско-бухаринская банда японско-фашистских прихвостней, шпионов, диверсантов и реставраторов капитализма», американский им-

периализм, мировой сионизм, ортодоксальные исламисты, и всегда и во всем – «антипартийная группировка и примкнувшие к ней...», и всегда и во всем – Власть!

На Руси власть издревле персонифицирована. И отношение к человеку, олицетворяющему власть, всегда двойственно до парадокса: с одной стороны, персона эта – князь, царь, император, вождь, предсовнаркома, генеральный секретарь, президент – не иначе, как тиран, палач, пьяница, деспот, развратник, слабоумный, или – все это одновременно... И он, и окружающие его все делают неверно, не правильно, дико, бездарно, бессовестно, губительно...

Об этом – громко и весело, в развеселых скоморошских представлениях, в кукольных балаганах, в байках и частушках, в анекдотах и обличениях «правдолюбцев», в буйстве «либеральной интеллигенции» и «демократической прессы», в наукообразных гундениях политологов и «релизах» профессиональных диссидентов...

С другой стороны – тихо, шепотком – «Государево Слово и Дело...», «все так, потому что так надо... „для государства...“ и „...уж они-то там знают...“

И в этом – «уж они-то там знают, пусть делают, мы потерпим» – такая искренняя, сочувственная, светлая надежда, такая готовность и помочь, и защитить, и жизнь положить... Чтобы выжить...

И в душах по-прежнему тихо и молитвенно...

Не справедливости прошу, но милосердия...

Весны бы... дружной...

Дождичка бы... теплого...

Царя бы... доброго...

Господе Иисусе Христе, помилуй нас, не оставь землю и люди Твоя...

Русский народ является народом государственным, и любая смута в России начиналась тогда, когда ослабевало – нет, не доверие – вера в силу и мощь государственных установлений и в человека, персонально власть олицетворяющего...

И самым страшным преступлением всегда считалось предательство... Государю могут простить все: жестокость и насилие, нерешительность и даже глупость, но никогда не простят измены...

Сажу перед мерцающим экраном компьютера, и в голове – ни одной мысли...

Только тоска...

Как сказал поэт: «Тот, кто выжил в катаклизме, пребывает в пессимизме...»

Совет директоров «Континенталья», где я числюсь начальником информационно-аналитической службы, выдал мне задание проанализировать итоги думских выборов и дать прогноз на президентские... От штата сотрудников я напроць отказался. Потому как – законченный индивидуалист. Особливо в таком деликатном процессе, как поразмыслить. О брeнном и вечном.

В конце ноября испросил у банка «уазик» с шофером и

пустился колесить по центру России. Раньше сие называлось Нечерноземьем. С заглавной буквы.

Катались дружно. Водитель искренне материл дороги, двигатель, милицию, гололед, солнце, снег, дрянные гостиницы, руководство всех районов вместе и каждого в отдельности, Премьера, Президента, ну а заодно – партию и правительство.

Я заблаговременно обзавелся тремя ксивами – спецко-ра столичной газетенки средней паршивости, младшего научного сотрудника какого-то социологического института с мудренейшим и слабопереводимым на русский общедоступный язык названием и, на крайний случай, некой красной книжкой с гербовым орлом на обложке и маловразумительным названием службы, кою я представляю. Так что на случай любых напрягов у меня имелись две корки просто липовые и одна – липовая в квадрате. Вернее – в пластике, все ксивы я заламинировал, и они чудненько отливали на солнышке, придавая владельцу, то есть мне, солидность и весомость.

Самое приятное и удивительное – ни один из документов не понадобился ни разу. Видавший виды «уазик» с тонированными стеклами и московскими номерами сам по себе являлся весомой и действенной штуковиной. И местные обыватели в зависимости от воспитания, начитанности, воображения и занимаемой должности принимали меня за «товарища из Центра». По-видимому, им было совершенно не важ-

но, кого я представляю – парламент, Президента, ФСБ, коммунистов, прессу – всем было важно одно: показать, что дела идут, идут хорошо, и будут идти еще лучше!

Сам для себя цель разъездов я определил довольно мутно: «поездить-поболтать».

В кабинете главы администрации Старолипского района не самой отдаленной от Москвы губернии сам глава, мельком глянув на блестящую ксиву «социологического политолога» или наоборот, пригласил присесть, кивнул с полуулыбкой, понимающе – уж мы-то с вами знаем – и на мой вопрос, как настроение людей перед выборами, ответил длинно и витиевато: что вообще-то все, как известно, за демократию, но за порядок, государственность, власть, твердую руку, но... за демократию.

В глазах Ивана Степановича Козлова прыгали откровенно веселые искорки: «Ты уж извини, молодой человек, у тебя своя служба, у меня – своя... Ты приехал и уехал, а мне тут жить и с людьми общаться, и жить лучше хорошо, чем бедно... За тобой, может быть, и высокое начальство, но до меня оно не дотянется, а дотянется областное, а там свои колленкоры, так что выбирай, что тебе глянется, да и отчитывайся как положено...»

Человек на своем посту. Партбилет, надо полагать, хранится у него в надежном месте, взносы – если есть кому – продолжает выплачивать, причем регулярно, разумеется, только с зарплаты... И притом – искренне, но по мере воз-

возможности и себя не забывая, — заботится о людях: дороги в районе гладкие, в магазинах не пусто, ну а что домину себе и дочке отгрохал — так пусть его...

Любой бы на его месте отгрохал, кто не отгрохал бы...

Ну а на ксиву он не обратил внимания потому, что обратил его на два других обстоятельства: на «уазик» с московскими номерами и на то, как я вошел в его кабинет.

Нужно отметить, что местная милиция оказалась начеку: пост стопорнул нас на въезде в город, шофер Григорий, отбарабанивший с десяток лет в подмосковном райотделе опером, а до того — гаишным инспектором и ушедший на заслуженный отдых вчистую по достижении тридцати девяти, переболтал с местными служивыми на понятном им языке... Торчащую из наплечной кобуры желтую рукоятку «Макарова» распахнутая кожанка прикрывала совершенно символически, но никаких прав на ношение и употребление огнестрельного у Григория просто не спросили, однозначно решив: «Свой».

«Континенталь» после случая с Крузом, по-видимому, решил озаботиться безопасностью ценных работников; весельчак и матерщинник Гриша Ларин, в свое время не отличавшийся излишними сантиментами в общении с «антиобщественным элементом», ну а бандитствующих граждан просто отстреливавший безо всяких предупредительных выстрелов, сильно не вписывался в новые реалии работы РОВД, особенно в том районе, где имел честь состоять на службе. Выслуга

подросла как раз вовремя, да и жена предъявила жесткий ультиматум, да и сам Гриша Ларин чуял, что его робин-гузовские методы борьбы с беспределом если и обеспечат ему награду, то скорее всего посмертно...

Работу он нашел легко, вновь назначенный начальник службы безопасности «Континенталья» слабо отличал «Макарова» от «стечкина», ибо двадцать лет проработал в «управе» кадровиком, зато в людях разбирался что надо. И в условиях, когда не нужно выполнять начальственные указания – кого и на какое сытно-теплое место пристроить, – проявил свои таланты... Там, где требовалось обеспечить охрану представительскую, набирал отставных «девяточников», ну а ежели сопровождать персону саму по себе шебутную и непредсказуемую, вроде меня, – то лучше опера-практика ничего и не надо...

А вообще-то Гриша Ларин тосковал по государственной службе... И хотя лично ко мне никаких претензий не имел, хотя жалованье его было на порядок выше прежнего, а работа, по его выражению, «не бей лежащего подушкой», – тяготился... Ибо, во-первых, в прежней его работе присутствовал элемент... э-э-э... творчества, а творчество – это как песня: не продается! Во-вторых, у Ларина была одна, самая важная для людей его профессии мотивировка, которая оправдывала и риск, и недосып, и невнимание начальства, и тревогу семьи... Он работал для людей, был защитником, а это дорогого стоит...

...А тогда – пост доложился по начальству, и, надо полагать, смысл их доклада свелся к следующему: едут служивые, по казенной надобности, но косят под простецких...

И когда я прямиком подъехал к райадминистрации, изыскал кабинет главы ея и, не обратив ни малейшего внимания на часы и дни приема граждан, не отреагировав на робкое поползновение секретарши узнать цель и смысл моего визита, просто-напросто толкнул полированную дверь и с лучезарной улыбкой изрек:

– Здравствуйте, Иван Степанович. Я-к вам. – Все мои дальнейшие слова о «социолого-политических» исследованиях звучали для чиновника чистой лажей... Ибо человек, сидящий в любом сановном кресле, мыслит соответственно своей должности:

«Раз он так поступает, значит, имеет право».

Но при всем том – «у вас в столицах – своя правда, у нас – своя...».

Впрочем, ничего нового я для себя этим не открыл. И во времена оные так бывало, и нашло даже отображение в печатных «реалиях»: для страны в целом была «Правда», у «младшего брата» – «Правда Украины», ну а в Крыму, где тепло, и море, и солнышко, и вообще – курорт, читалась «Крымская правда»...

Хотя... Как там в песне поется?

Правда всегда одна, Это сказал фараон, Он был очень умен, И за это его называли Тутанхамон...

Тутанхамон... Живой бог... Или – это Атон олицетворял солнце?.. Ну да, фараон Эхнатон... Он чего-то там не поладил со жрецами... Зато жена была красивая – Нефертити... Хм... А у кого из фараонов жена была некрасивая?..

В другом районе, Пречистенском, заехали на избирательный участок. Как ни странно, «ядро избирательной комиссии» было в сборе. В том, что я «корреспондент-политолог», не усомнились, ибо догадался сменить униформу «костюм-галстук» на другую – «свитер-джинсы»...

«Ядро» состояло из трех человек: бабульки лет шестидесяти в простом платье, укутанной в теплый Оренбургский платок; худющего субъекта неопределенного возраста в изношенном донельзя костюмчике, засаленном галстуке-самовязке с испитым до синевы лицом – он оказался главным редактором районки «Светлый путь»... Третьим был невысокого роста совсем молодой человек, в костюме, при пуловере; он походил бы на комсомольского функционера, если бы в лице было поболее наглой уверенности и цинизма, но нет: в глазах его таилась какая-то непреходящая усталость и удрученность... Молодой человек был директором единственной в райцентре школы.

«Бабулька», Надежда Карповна Егорова, оказалась женщиной со скорым и сметливым взглядом и ясным умом. Перво-наперво постаралась она прояснить вопрос – «почто приехали, соколики, до наших палестин...» Два других «комиссионера» присутствовали лишь телесно: один грезил о ста-

канчике водочки, другой... Другой продолжал грустить глазами. Да мало ли забот: может, в школу дрова не подвезли, может, учителя без зарплаты сидят, может, жена бурчит, или все это вместе...

Потомившись с нами ради приличия минут десять, молодой человек откланялся.

– Чудят на Москве. – Надежда Карповна развернула образец бюллетеня по блокам... – Тут впору не власть избирать, а детишкам в кубики сражаться...

«Простыня» внушительная... Сыны и дочери народа расстарались... Согласно американским выборным методикам – запоминается не программа, а символ.

Получилось веселенько. Как в детской считалочке:

Ежики, белочки, яблочки в ряд – Трамвай переехал отряд трулялят.

И чего тут только нет!

Дома – два. Первый, кочегарно-черного цвета, рядом с ним – деревце неизвестной породы, кругленькое, видать стриженое, – символизирует «Союз работников жилищно-коммунального хозяйства России». Второй – общеизвестнее – под красно-сине-белой крышей крупно так: «НАШ ДОМ» – и мелко: «Россия».

Шутка Премьера с «его домом» людям понравилась сразу, ее развили и дополнили: «Наш дом Россия – ваш дом тюрьма». О том, у кого «не все дома» и «съезжает крыша», делятся активно и охотно. В основном на работе, ибо благодаря

завоеваниям дерьмократии очередей больше нет: продукты и товары имеются, а вот с зарплатой как-то не складывается...

Рыбки тоже две. Одна – схематичная, вроде как сушеная, символизирует христиан-демократов, про которых, впрочем, все одно никто ничего не знает...

Другая – улыбчивая, ясное дело, золотая... Остается загадать три желания – и остаться у разбитого корыта... Сказку все читали, на мякинке не проведешь!

Что еще?

«Преображение Отечества», где Отечество представлено непонятной птицей с развернутыми крылами, мало похожей на феникса и весьма сходной с гусем...

Вспоминается нетленка из Аркадия Райкина: «Да у нас не воробьи, у нас на заборах индюки сидеть будут...»

Птица счастья завтрашнего дня Прилетела, крыльями звеня, Выбери меня, выбери меня...

Интересно, она что, железная, что ли, птица этого самого счастья?.. Лучше бы тогда – просто индюшка в День благодарения... Вот только кого благодарить и за что? Тоже понятно, вернее – привычно: партию и правительство за доверие к нам, сирым и убогим...

Что еще имеем? Похожее на татуировку восходящее солнышко, белку с хитрым профилем, символизирующую «общее дело» – общак, что ли? Из нетленки известно, чем занимаются одинокие грызуны:

Белка песенки поет да орешки все грызет, А орешки не простые, все скорлупки золотые, Ядра – чистый изумруд... Слуги белку стерегут.

«Социал-демократы» представлены мощным железным кулаком, бестрепетно сжимающим розу, невзирая на шипы... «Национал-республиканцы» – непонятного рода крестом со стрелочками, который я по недомыслию могу расшифровать только как «а пошли вы на все четыре стороны»...

Впрочем, желающие могут пойти и на четыре буквы, обведенные в кружочек, путем Афанасия Никитина и омыть валенки, в которые их обувают, в Мексиканском заливе...

Или просто – вперед! «Вперед, Россия» вслед за улыбочным ежиком; прямо над ним завис любимый в народе фрукт – яблоко, которое ежик и пронесет в светлое будущее...

Как гласит ненавязчивая реклама с ежиком и яблоком на спине:

«Другой альтернативы у вас нет!»

«Женщины России» скромно обозначили свое присутствие цветиком навроде подсолнуха. Дети – цветочки, бабы – ягодки? А мужикам куда податься при таких беспонтовых раскладах? Ясное дело – за пивком! Благо блок любителей пива соседствует с закуской – рыбкой! А это ничего, что золотая – подсолим, подсушим и употребим! Вот оно, счастьеце!

Но женщинам России не объединить всех бабонек, а лю-

бителей водки не меньше, чем любителей пива! Пивком что – только размяться или опохмелиться...

Так под какие знамена подаваться?

Под славным Андреевским стягом расположился «Предвыборный блок, включающий руководителей партии защиты детей (мира, добра и счастья), партии „Русские женщины“, партии православных (веры, надежды, любви), народной христианско-монархической партии, партии за союз славянских народов, партии сельских тружеников „земля-матушка“, партии защиты инвалидов, партии пострадавших от властей и обездоленных». Чуть ниже сообщается, что в этот блокочек вошли: Туристско-спортивный союз России, Профсоюз работников телевидения и радиовещания и Общество потребителей автотехники России.

Сами-то поняли, что написали?

Я – нет. Не могу уразуметь, как все это многочисленное руководство партий вкупе с туристами и потребителями автотехники защитит одновременно пострадавших и от властей, и от обездоленных? И, кстати, кто от кого пострадал? Власти от обездоленных или наоборот?

Бред?

Конечно бред.

Но – под гордым названием «Дело Петра Первого». Что бы сказал упомянутый русский самодержец на все вышеизложенное?

А он уже сказал. Два с половиной столетия назад:

«Впредь указую господам сенаторам говорить не по. писаному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всякому видна была. Птръ».

Как известно, государь пренебрегал буквой «е» в начертании монаршьего имени – ну да на то она и царская воля. Зато в остальном, в отличие от спекулянтов во имя его, был точен и понятен.

Что еще на «простыне»? Как водится, серпы и молоты.

Сверху молот, снизу серп —
Это наш советский герб.
Хочешь жни, а хочешь – куй,
Все равно получишь...

Нет, это не актуально. В свете демократии – За кого ни голосуй – Все равно получишь...

Ясное дело что – бублик! Или, как сказал поэт:
Чего кипятитесь? Обещали и делим поровну:
Одному – бублик, Другому – дырка от бублика.
Это и есть демократическая республика.
Чудят на Москве!

Глава 10

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ, РОССИЯ

– Как звать-то тебя, а то в документике не разглядела. –

Надежда Карповна свернула бюллетень.

– Олег. А это – Григорий, – киваю на Ларина.

– А по отчеству как величать?

– Да я вроде не старый еще...

– Был бы старый – я б к тебе на «вы» обращалась. А так вроде сыну моему ровня... Но и не пацан уже, чтоб одним именем обходиться...

– Владимирович я. А Григорий – тот Евгеньевич.

– Так-то лучше. А то взяли моду: показывают по телевизору деда, совсем сивый как лунь, а все – Борис... А то – академик, лауреат, министр... И тоже – Андрей... Кличут как несмышленишкой каких...

– Принято сейчас так.

– Кем принято? Не по-русски это, взрослого человека без отчества величать.

Есть у тебя отчество – пусть поминается родитель твой, живой ли, усопший, а не сирота ты на этом свете, не из пробирки взялся, сын отца и матери... А у того – свой отец был,

а у того – свой... Разумеешь? Есть у тебя отчество, знать, есть и Отечество. Чайку с дороги выпьете?

– С благодарностью.

– То-то. Год нынче холодный, лютый. А весна, глядишь, дружной будет... Так, значит, писателем работаешь?

– Журналистом. Статьи пишу.

– И много платят за то?

– Когда как.

– Видать по одежке, не сильно хлебно сейчас журналистом-то быть. Да и почета того нет. Раньше как из области журналист приедет – все по струнке вытягиваются: известно, пропечатает что худое в газете, так и с должностью, и с партбилетом распрощаешься... А уж из первопрестольной на моей памяти всего-то раз наезжали, так все районное начальство разом с городским вокруг хороводы водило, только что петухами не пели... А сейчас: что хочешь, то и пиши... Все одно никому дела нет. Потому как врут журналисты. То, читаешь, кошка человеческим языком заговорила, то – барабашки по квартирам загуляли... Карикатуры такие рисуют – посмотреть совестно... Да и о политике о той: одни – одно пишут, другие – другое, да все не честно как-то, с вывертом, с издевкою... Злые все стали друг к дружке, как собаки... Все обещают, и все врут, врут... Изверились люди.

– Раньше честнее было?

– Понятнее. Да и притерпелись... Знаешь, как говорят – свой навоз не пахнет. – Надежда Карповна встрепенулась:

– Да что ж это я, заболтала вас совсем... Самовар, чай, подошел... Пошли-ка в учительскую, там и потолкуем...

В учительской накрыт стол. Хлеб нарезан большими ломтями, сало, огурцы.

– А вот и картошечка поспела... Чем богаты. Угощайтесь.

И я, и Гриша Ларин были готовы... На Руси «чай» – понятие особое...

Включает и хлеб, и соль, и водочку, и разговоры неспешные... Одним словом – «чай».

Открываю сумку, извлекаю «столичные гостинцы»: московскую сырокопченую, банку лосося, шпроты, ну и, конечно, кристалловскую...

Разлили по полной в граненые лафитнички:

– Ну, со встречей... Со знакомством...

Василий Игнатьевич, главред «Светлого пути», поднес к губам стаканчик осторожно, придерживая ладонью за донышко, руки заметно подрагивали...

Недоопохмелился, видно, с утра, бедолага... Зажевал корочкой, чуть посидел, просветлел лицом...

– А вы Карповну-то, ребят, не шибко слушайте... Нажалется она, наплачется... Не знаю как где, а мы тут – ничего живем... Земля родит, огороды у всех... Ничего... Да и голова у нас районный – мужик что надо, соображает...

Дороги – видали какие?

– Ты, Игнатьич, как рюмку примешь – так сразу хвастать!

– Чего – хвастать? Разве не так? Надежда Карповна усмех-

нулась хитро:

– Это у нас завсегда: приезжих сторожиться да себя нахваливать! Абы чего не вышло... Идеологический работник...

– Да чего ты, право... «Идеологический...» А Зуева, что пиломатериалы крал, кто, не мы расчехвостили?

– Ну прямо герой труда... Смотри не запались на скаку-то.

– Вот так, мужики... Видали... Не баба – язва!.. В глаза говорю, хотя и родня мне.

– А у нас в Пречистом все всем родня... Седьмая вода на киселе...

– Ну как пошла, с морозцу-то? – Игнатъич глянул на меня скоро, беспокойно перевел глаза на Ларина, снова – на меня... – По второй?

– По второй.

– А вообще-то Василий прав. В Пречистом мы еще ничего – везунчики... Слава Богу, что под Чернобыль попали... – произносит Надежда Карповна.

Сначала я решил, что ослышался:

– Под радиацию?..

– Ну так, под нее. Еще в восемьдесят седьмом денег району отвалили: на них и школу отремонтировали, и дороги те провели. А то ведь были глушь глушью, на танке к нам по весне да по осени не проползешь... А сейчас без «гробовых» – вообще хоть смертью помирай: зарплат за полгода не плотют... У колхозных, у тех вообще продукты не берут: заморские дешевле обходятся... А вообще-то от хозяина зави-

сит... Кто крутится – тот и живет, а у ленивых – оно завсегда «зубы на полке»...

– Так, по-твоему, что, люди дурня валяют? Поутру – все на работу бегут, а как зарплату получать – что? Кукиш с маслом! – не соглашается Игнатьич.

– Не перевирай. Я ж говорю – от хозяина! Возьми веденевский колхоз – не нарадуются!

О Веденееве я уже слышал. В трех районах и в областном Велереченске есть магазины – их так и называют, «веденеевские». Отовариваются в них охотно: продукт дешевле, свежее... Да и с землей колхозу повезло: чистая от радиации, голландцы специально приезжали, замеряли, потом соглашение подписали: маслозавод и сыродельню строить. Колхоз, правда, уже не колхоз – акционерное общество, и хозяин ему – Константин Васильевич Веденеев, тридцати девяти лет...

– А за кого, к примеру, тот Веденеев проголосует? – спрашиваю я.

– Известно за кого... За коммунистов. И все село его также – две с половиной тыщи душ.

– А не заботится? Ну как раскулачат?

– Это кого? Костьку-то? Раскулачить? Да он сызмальства в райкомах сидел секретарем... Да и грамотный, на кривом мерине не объедешь.

– А вы за кого? – спрашиваю редактора.

– Я... Да все за них проголосуют.

– Почему?

– При них порядок был. Надоело людям безвластие-то...

– Это при Горбачеве – порядок?

– А ты его к коммунистам не причисляй. Предатель он. Оборотень. Одно слово – Мишка-меченый. И вся его клика – такая же. Вы ж там на Москве сидите, не знаете, что ли? – Игнатийч смотрит на меня пытливо, внимательно. Такое ощущение, что для того, чтобы протрезветь окончательно, ему не хватает грамм ста...

– В смысле?

– Одна там шайка-лейка. Масоны. Решили нас под себя поработить, вот и поработили. Выбираться теперь надо.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – комментирует Карповна.

– Да? Еще предки наши говорили: попасть в кабалу, А что такое кабала? Это и есть ихнее жидомасонское учение. – Игнатийч наливает себе лафитник и дергает одним махом. – Ты посмотри в телевизор: только и есть, что Хейфицы, Крамеры и прочие... И все комментируют, и как нужно – выворачивают. И в правительстве, и вокруг Президента – они же выются! Сначала Америку под себя подгрести, теперь – нас хотят!

– Что, в Америке тоже масоны?

– А то как же! «Права человека» – это и есть права евреев. А мы для них не люди, а так, гои... Сейчас умные люди много про это книжек пишут, а власти наши – что? Молчок! Заодно потому что! Ты герб американский видел?

– Обязательно.

– Ну?.. – Игнатьич смотрит на меня настойчиво и требовательно.

– В смысле?..

– Какой он?

– Орел. С двумя лапами и одной головой.

– А над головой у него что?

Честно говоря, не помню я, что у американского орла над головой. Но уж точно не шапка Мономаха.

– Наверное, звездочки. По числу штатов.

– Да-а? Э-эх вы, сидите там на Москве, всякую глупость в газетах пропечатываете... – Главред долил остатки водки и снова выпил. – Может, еще за бутылочкой?...

Ларин тихо улыбнулся, достал из сумки очередную емкость. Чай – он и есть чай.

– Вот это по-нашему... – Главред задумчиво пережевывал корочку хлеба. И выдал:

– Звезда Давида у него там. Шестиконечная. Уразумели?

– Где?

– Да над башкой у этого орла американского.

– Ну и что? Одни любят арбуз, другие – свиной хрящик. Была бы у этой птички над головой пятиконечная – нам что, жить бы легче стало?

– Да ты не понимаешь!.. – Игнатьич машет рукой в сердцах. – Просто если вы там не понимаете, то чего уж остальным... Или – боитесь?

– Кого?

– Сионистов, кого же еще! Они ж сейчас везде расселись – и в валютных фондах разных, и в правительстве... Распродают Россию-то! И ООН эта хваленая – ни гугу... Как сербов православных бомбить – нате вам пожалуйста, как по Багдаду – тоже, с дорогой душой, потому как мусульмане и арабы всякие – евреям главные враги и есть! А наши сидят, ручонками разводят: общечеловеческие ценности – то, общечеловеческие ценности – се...

– ООН как раз признала сионизм формой расизма и расовой дискриминации.

– Да ну?

– Ага. Двадцать лет назад, в семьдесят пятом, на тридцатой сессии Генассамблеи.

– Ну... Это они нарочно. Для отвода глаз. Я думаю, и войну в Чечне они затеяли...

– Да? А зачем?

– Да чтоб с мусульманами нас, значит, рассорить. Вот Хусейн – завсегда за нас был... Вообще от евреев – вред один в мире. ГУЛАГ нам создали тут – раз. Как Сталин за них взялся, так его отравили – два. Сейчас нас поразвалили – три.

Чтобы тащить, значит, все было сподручнее... А этот рыжий... прихватизатор...

Знай, все им за бесценнок распродает... У нас тут трех парней посадили – ящик водки по пьянке из магазина уволокли, а этого разве посадит кто? Все – одной масти...

– Олег Владимирович, а что на Москве-то слышно, когда

ту войну-то чеченскую прикончат, а? – спрашивает Карповна.

Пожимаю плечами...

– Да концы, известное дело, все в Москве схоронены. А то в Тель-Авиве да и в Вашингтоне том – не дознаться. Ничего, люди все видют, не без глаз.

Проголосуют, – горячится Игнатъич.

– За Жилиновского?

– А за кого же еще! Этот за русских стоит! При нем порядок будет, уж точно!

– Хм... Так ты вроде против евреев, а Жилиновский – ... юрист, по отцу-то...

– А у них это не в счет! Вот если б мать была... А мать у него – русская! А как думаете, ребятки, вылезет Россия-то?

– Как Бог даст.

– На Бога надейся и сам не плошай!

– Это – как водится.

– А я, стыдно сказать, уже и не верю ни во что... – вздыхает Надежда Карповна. – Хотя и иконки дома, еще от родителей, а... Недавно сестре троюродной, в Велереченске она живет, сына прислали из Чечни... Всю службу там отвоевал... Уж как она убивалась, пока служил – каждый денек в церковь ходила да свечки ставила... И уж ждала, ждала... Осенью уволить должны были, а все держали – менять некем... А тут – уже и документы все получил, да попросили последний раз в наряд, значит... Броневи́к ихний на mine подби-

ло. Сережка, сын, значит, выскочил чего-то, тут его пулей и убило. Насмерть. В последний денек...

Осиротели родители... На похороны я ездила – «чеченцев» много пришло, проводить, значит... А тут – ветеран какой-то, с Отечественной, видно, на могилку к кому пришел проведать... Подошел к ребяткам-то, спрашивает одного:

«А что, сынок, страшная война в той Чечне?»

«Самая страшная война, отец, та, на которой ты подышаешь».

Господи, как ребят жалко...

Разлили, выпили не чокаясь.

Парадоксы войны... Те пацаны, что, воевали в Афганистане, стали у нас «афганцами», эти – «чеченцы»... В Таджикистане – тоже война... Кто возвратится оттуда – «таджики»?.. И снова соберутся все – «абхазцы», «тбилисцы», «вильнюсцы»

– в новый «Союз нерушимый»?.. Бред.

Парень погиб в последний день. В последнем наряде. Не приказали ведь – попросили...

Каждый, кто воевал, знает: с людьми в день гибели творится что-то странное... Одни – полны энергии, безудержно, беспричинно говорливы, другие, наоборот, – замкнуты и неразговорчивы. Не к месту вдруг что-то начинают вспоминать или просто суетятся, делают ненужные и необязательные вещи – начищают бляху ремня, ищут что-то, не зная даже, зачем и для чего... А у некоторых – полная и бесшабаш-

ная эйфория, ощущение собственного бессмертия!..

Предсмертное беспокойство...

Опытные командиры всегда замечают такое состояние бойца и именно в этот день парня в бой или на задание не берут. Одно «но»...

...Если у командира есть возможность выбирать.

У солдата такой возможности нет никогда.

– Значит, мать, говоришь, жить совсем невмоготу стало?

При Борисе-то? – спрашивает Ларин.

– Да нет. Я же говорю, ничего... Кабы не та война... А молодым, тем лучше, это уж точно.

– Лучше?

– А вот внука возьму... Сын мой с невесткою, как времена меняться стали, скрепились, но ничего, работают. А внучок – тот головастый. Сначала в область уехал, у сестры как раз жил. Устроился аж на телевидении техником каким-то, ну что программы монтируют. Получаться у него стало, в Москву переехал. Сначала, понятно, победствовал – знакомств у него никаких особых, а там – закрепился.

Деньги хорошие получает. Приезжал – худющий, что жердь в заборе, хвост какой-то дурацкий себе заплел – мода, говорит, такая, а сам веселый. Работы, говорит, хоть отбавляй – да только искать ту работу нужно, какая по душе...

А раз по душе – и погонять не надо, и заработаешь хорошо: нравится ведь. Мы как привыкли? Пошел на службу, пришел со службы, хорошо ли, плохо ли – получку получи!

– Вот опять завираешься, Карповна! Что ж, люди, по-твоему, спустя рукава трудятся? А огороды те взять? – заерзал главред.

– Да не о том я, Василь Игнатьич... Раньше – хоть семи пядей во лбу будь – никуда ты не прорвешься... Везде свои обсели...

– А сейчас – не так, что ли?

– Не так. Коль хорошо работаешь, да специальность освоил, да не ленишься, – держутся за тебя. Потому – прибыль от тебя хозяину.

– Не надо мне хозяев никаких!

– А когда оно было, без хозяина-то? Председатель в колхозе, если хозяин был, так при нем и люди справно жили. Секретарь в райкоме, если не лизоблюд, а заботливый, – тоже хорошо. И стране хозяин нужен.

– И я про то... Вот при Сталине...

– Нет, Игнатьич... При Сталине люди дрожмя дрожали, не хозяин он был – вроде как в чужой стране царствовал.

– А войну выиграл!

– Войну люди воевали, солдаты. А без Сталина, глядишь, столько народу не положили бы...

– Сейчас лучше, да? И тащут, и тащут... При нынешних-то! Скоро в лес за грибами не пойти – сеткой огородят, напишут: «частная собственность» Штейнберга какого ихнего, и охрану выставят – не суйся! Свергать их надо, правителей таких!

– Карповна... А за кого все же проголосуют? – спрашиваю я.

– Люди, они привычкой живут... За коммунистов. Да... И власти областные и районные – за них.

– Да сколько тех властей...

– Знаешь, Владимирыч... Я тридцать лет в комиссиях, по выборам-то.

Только... Ты это в газетке своей не прописывай...

– Не буду.

– Ну вот. Знаешь, был раньше председателем Коренев, за-врайоно. Еще при Брежневе да при Черненко... Так у него голосовали за не девяносто девять и девять десятых, а сто пять процентов избирателей!

– Как это?!

– А «открепные»? Уразумел?

– Нет сейчас открепных.

– Знаешь, как по селам голосуют? Как все! За кого люди, за того и я... А то бабка придет или к ней пойдут, так она спросит просто – за кого? Или: «Милые, при ком пенсию давать станут?» Вот тебе и все голосование! Да и обижен сильно народ на власть...

Карповна права – обижен. И еще... В России никогда не голосуют за, всегда – против. В девяносто первом не за нынешнего президента горой встали – против прежнего!

– А там – районные комиссии, областные... Да и по местам – те бюллетени, какие незаголосованные останутся, в

комиссии пометят как надо да в ящик и сунут!

– А наблюдатели?

– Все ж свои, наблюдатели те... Что они, с Луны прилетят?

– Ну а если принципиальный какой объявится?

– Не уследить ему... Да и власти – как? Наметют в Велереченские районы, где избирателей числом поболее, да там и смухлюют.

– А вы – будете?

– Честно? Нет. У нас и так за коммунистов.

– Демократы те масонские опостытели народу, – грозно подытожил Игнатьич.

Вторая бутылка почата давно, выпили еще по одной. И – тоскливо как-то на душе, невесело... Вырос я при коммунистах. И отчетливо помню ощущение ватной стены вокруг, в которой вязнешь, вязнешь...

Василий Игнатьич сильно засмурел. Карповна, и та то ли устала, то ли что...

– Знаете, мужики, не о том вы все думаете и говорите не о том... И делаете не то... Не важное все это...

– А что важно?

Карповна улыбнулась краями губ, пригубила стопку и запела неожиданно чистым и сильным голосом:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песни ему...

Заночевали мы с Лариным там же, в школе.

Утро выдалось ясное и морозное. Центр Пречистого сиял изморозью на ветвях, чисто выметенными дорожками сквера...

В центре сквера на свежевыбеленном постаменте выкрашенный бронзовкой Ильич... Указующая рука – в сторону Москвы... Ну что ж... И ехать удобно – по ровной и гладкой, как недостижимый горизонт, дороге, построенной на черныбыльские «гробовые»...

А на взгорке, рядом с выстроенной в прошлом веке городской управой, уносилась в высокую синеву неба островерхая колокольня. Сама церковь – красного кирпича – сложена где-то в конце прошлого века умело и добротнo, на века. Вот только...

Двери заколочены досками. Наглухо.

Глава 11

СЬЕРРА-БЛАНКА, ШТАТ ТЕХАС, БАЗА ВМС США

В шесть утра Дэвид Брэг проснулся. С трудом разлепил опухшие веки, приподнялся, поморщился от неожиданного головокружения и тошноты. Прошел на кухню, нашарил в шкафчике аспирин, принял сразу четыре таблетки, вытащил из морозильника банку колы, открыл, заглотал, обжигая ледяной водой горло...

Прошел в душ, пустил горячую воду, потом холодную, потом снова горячую...

Вчерашнее он помнил смутно. Пил, возился у компьютера... Ах да... Его возмутила эта сучка... Что еще?..

Страх нахлынул сразу, холодный липкий пот выступил по всему телу... Черт, что-то он сделал не так. Совсем не так. Запросы... Это может стоить карьеры.

Хотя – какая это карьера?.. Но... Ничего иного, кроме как копаться в чужом грязном белье, Дэвид Брэг делать не умел. Это была его работа, и, что греха таить, он получал от нее удовольствие. Возможность поломать кому-то жизнь была не просто приятна – она вносила в его существование смысл. К

тому же за это платили. И очень неплохо. Однако вчерашний намеренно неверно оформленный и мотивированный запрос может быть вполне расценен как несанкционированный доступ, и его, Дэвида Брэга, вышибут из «фирмы» мгновенно... А военные разведчики постараются, чтобы это увольнение оказалось шакальным билетом, с которым его не примет на работу ни один отдел безопасности ни одной корпорации... Что останется ему, Дэвиду Брэгу?.. Жарить гамбургеры в «Макдоналдсе»?.. Терпеть шлюху-жену?..

Пить самопальное дешевое виски, купленное у латинос за доллар?.. Черт! Одевался Брэг судорожно-быстро. Необходимо все исправить. Немедленно, сейчас! Если еще не поздно...

Хэлен Джонсон работает за компьютером. Внимательно смотрит на экран, сверяет данные компьютера с записями в блокноте. Морщит лоб. Вынимает сигареты, закуривает.

Девушка курит нервно, быстро. Жадно затягивается дымом и тут же выдыхает.

Снова садится к компьютеру. Набирает ряд цифр и букв. Смотрит в блокнот.

Покусывает кончик карандаша. Глупая детская привычка, но ей кажется, так легче сосредоточиться.

Дэвид Брэг, перед тем как пройти в свой кабинет, чуть приоткрывает дверь и наблюдает за девушкой. Поглощенная работой, она не замечает этого.

Дэвид Брэг меряет кабинет шагами – из угла в угол. Смот-

рит на часы. Снова ходит. Время от времени он бросает взгляд на компьютер, застывает на месте, но подойти не решается, словно боясь разбудить бешеное животное. Снова смотрит на часы... Еще только четверть одиннадцатого... Черт! Так дальше нельзя... И пусть они думают, что хотят!

Брэг подходит к двери, приоткрывает ее, воровато оглядывает коридор.

Жалюзи на стеклянных стенах прикрыты, и он никогда не открывает их, все привыкли к этому. Чуть-чуть помедлив, закрывает дверь на защелку. Подходит к шкафу.

Открывает. Вынимает стоящие в первом ряду папки. Наконец-то...

Он извлекает на треть початую бутылку шотландского виски. Откручивает пробку. Руки дрожат так, что емкость едва не выскальзывает из потных ладоней.

Брэг жадно приникает губами к горлышку и делает несколько больших глотков.

Садится за письменный стол, в глубокое удобное кресло, бутылку ставит на пол рядом. Ослабляет узел галстука, вытягивает ноги, закуривает сигарету... Вот так...

Нет, он не алкоголик. И пусть эти думают, что хотят... Просто выдался такой период. Он бывает у каждого в жизни. У каждого...

Время от времени Брэг поднимает бутылку и прикладывается к горлышку. Виски приятно согревает. Мужчина чувствует, как горячий пот катится по спине, накатывает тяже-

лая усталость... Еще глоточек, всего один... Вот так...

Брэг встает, плотно закручивает пробку, водворяет бутылку в шкаф на положенное ей место, прикрывает папками...

Так, что он хотел с утра?.. Ну да, разобраться с этой шлюшкой Хэлен Джонсон. Затея уже не пугала майора Дэвида Брэга, наоборот, она казалась ему остроумной и изящной... Ну а если и не так – то просто сегодня же отменить запрос, объяснив все обычной технической ошибкой... А интересно все же, что получилось?.. Мотивировка «несанкционированный доступ», которую он вписал во все требования по сержанту Хэлен А. Джонсон, уже заставила зашевелиться клерков во всех конторах... Ну, он-то хорошо знал, как там работают... Торопись медленно...

Если какая-то информация уже поступила, то скорее всего – обычная канцелярщина.

Что-то интересное начнет подходить не раньше четырех-пяти часов пополудни...

Может быть, отменить запрос?.. Пока не поздно...

Майор Брэг встает, снова начинает мерить шагами кабинета... Да, пожалуй...

Но не теперь... После ленча... Смотрит на часы. До ленча – пятнадцать минут.

Замирает на мгновение, подходит к шкафу. Нужно успокоить нервы. Глоточек виски не будет лишним. Небольшой, совсем небольшой...

Майор остановился тогда, когда почувствовал: бутылка заметно полегчала.

Оглядел себя в зеркале, вмонтированном в створку шкафа. Лицо слишком красное, это можно было бы объяснить полнокровием, если бы... Если бы эти дебилы в черных беретах не видели вчера, как он выруливал с автостоянки... Хотя среди них есть вполне симпатичные мальчишки... Тот блондинчик, как его... Да, О'Нил... И мулат... Сержант Грейзи, кажется... У него такое сильное, мускулистое тело...

Дэвид Брэг наблюдал четыре дня назад из окна кабинета, как Грейзи выполнял упражнения на турнике... Кажется, он чувствовал даже запах пота – так это было волнующе...

БЛИЖНЕЕ ПОДМОСКОВЬЕ, РОССИЯ

Мужчина сидит в кресле перед камином. Он выглядит усталым, очень усталым.

Наверное, теперешний темп уже труден для него. И еще – бессонница...

Одно он знал наверняка – он не заболеет, пока все не закончено. Пока не будет одержана победа. Нервное напряжение просто-напросто выжигает в организме все возможные хвори. Это скажется, но потом... Обычно после окончания многомесячной операции организм еще дня три-четыре работает по инерции, затем наступает вялость. И он сваливается с тяжелой простудой – когда нет ни ветерка, ни дуно-

вения, когда солнце светит ясно и люди наслаждаются теплом...

Болезнь длится неделю, другую и прекращается так же внезапно, как и началась...

А тело требует физической нагрузки – и он уезжает к морю. Неделю читает и плавает... А следующую неделю что-то начинает его беспокоить – море не радует, от солнца чувствуешь лишь усталость... Это значит, что пора приниматься за работу... Тем более, что жизнь гораздо короче всего, что мы хотим в нее вместить. И всегда приходится выбирать.

Он свой выбор сделал. Много лет назад. И никогда не путал служение Родине и партии. Времена переменялись?.. Времена могут меняться сколько угодно...

Любовь... Долг... Честь... Это остается. Всегда.

Мужчина чиркает спичкой, раскуривает тонкую сигару. Поднимает трубку телефонного аппарата:

- Уровень «Стратег» вызывает уровень «Консул».
- Консул слушает Стратега.
- Приготовьте уточненный план второго этапа операции «Рубикон».
- План готов.
- Жду вас завтра в девять ноль-ноль.
- Есть.
- Уровень «Стратег» вызывает Центуриона.
- Центурион слушает Стратега.
- Объявляю готовность по второму этапу.

– Есть.

Мужчина откинулся в кресле. Все идет гладко. Плохо только одно: все идет слишком гладко... Где же ошибка?.. Или ее пока нет, а есть просто предчувствие?.. Ну что ж... В любом случае сегодня его снова ждет бессонная ночь...

СЬЕРРА-БЛАНКА, ШТАТ ТЕХАС, США

Дэвид Брэг открывает глаза и не сразу понимает, где он. От неловкого движения локоть соскользнул со столика, и он едва не упал.

– Сэр, что-нибудь желаете? Прилизанный латинос застыл рядом.

– Виски. Двойной.

– Да, сэр.

Майор оглядел заведение. И как его занесло в такую дыру! И все же было бы куда хуже, если бы на ленч он остался на базе. Ну и набрался же он с утра...

Просто... Просто здесь такой климат. Сочетание жары и алкоголя – не для его мозгов. Эти грязные латинос лакают свое пойло с утра до вечера, и ничего с ними не случается...

– Ваше виски, сэр.

Брэг, обхватив бокал ладонями, наблюдает, как тает лед... Словно время – бессмысленно и безвозвратно... И какой идиот придумал засунуть базу разведки ВМС так далеко от моря?!

Майор основательно отхлебнул из бокала, и ему вдруг стало до слез жалко себя... Что он видел в этой паршивой жизни?.. Дни бежали за днями, и все ради того, чтобы оказаться в этом вонючем городишке...

Брэг встал, вышел в туалет. Отвернул кран, подставил голову под струю ледяной воды... Нет, эти латинос не зря выдумали сиесту. С утра они наливаются горькой и крепкой местной водкой, полдня дрыхнут, зато вечером... Жаль, что за все три месяца ему ни разу не пришлось в голову посетить городок вечером. Нужно сделать это сегодня.

Майор повеселел. Наверняка в «квартале любви» он отыщет себе мальчика по вкусу. И вообще – сегодня особенный день...

В отличном расположении духа Брэг вернулся к столику. Допил виски. Вышел.

Сел за руль выдавшего виды «форда». Он правильно сделал, что уехал с базы.

Появись он в баре или кафе таким, каким был три часа назад, – и можно считать его увольнение состоявшимся. А так – он автоматически добрался до машины, пехотинцы, мающиеся от дневной жары, никак не отреагировали на его мятое потное лицо и остекленевший взгляд. Он плохо помнил, как проскочил городок насквозь и забрел в эту забегаловку... В одном он был уверен точно: здесь его не знал никто.

Машина подъехала к воротам базы. Охранник равнодушно посмотрел на предъявленный жетон, нажал кнопку,

створки ворот разошлись. Козырнуть «забыл».

Ну да, он, майор Дэвид Брэг, был для них чужим, человеком из Лэнгли, наполовину стукачом, наполовину придурком; хотя это отношение к себе Брэг ощущал уже третий месяц, привыкнуть так и не смог. Да и как можно привыкнуть к высокомерному презрению?

Дэвид Брэг прошел в свой кабинет. До конца рабочего дня – еще час. Никто не спросит, где он был все это время – приказы Дэвиду Брэгу мог отдавать только начальник базы капитан Лоурел. Но, Скотт Лоурел никогда этого не делал: терпел Брэга, как терпят досадное недоразумение, да и только.

Голова майора Брэга была как никогда чистой и ясной. Нет, не зря мексиканцы придумали сиесту, совсем не зря. Ничего, он покажет этим выскочкам, что такое профессионализм. Настоящий профессионализм. Под обвинение можно подвести любого человека; даже если потом выяснится, что тот невиновен, на его карьере будет поставлен крест: в разведке не любят неясностей и полутонов. И начнет он с Хэлен Джонсон.

ХОРОГ, ТАДЖИКИСТАН

Адмирал Макбейн смотрел на солнце. Он помнил солнце разным: в джунглях Вьетнама и Камбоджи вечерами оно было красным и четко очерченным, как огромное блюдо красного золота; в океане оно казалось белым и ленивым,

словно опущенным в соль; в Центральной Африке... В Африке Макбейну всегда казалось, что солнце попросту сливается с небом – огромное, блеклое, палящее, оно выжигало все...

Здесь, в горах, солнце было другим. Ослепительно ярким, блестящим, оно казалось единственным живым существом в этом мире из снега и камня... На глазах Макбейна были темные контактные линзы, их защищали очки со светофильтрами, не пропускающими ультрафиолета, и все равно смотреть на спящее солнце было больно.

– Мистер Джафар...

– Да?..

– Обед готов.

– Спасибо, Махмуд. Я сейчас подойду. На маленьком костерке Махмуд Шариф, переводчик и проводник Макбейна, приготовил что-то вроде супа, но с огромным количеством жира. Макбейн давно отучил себя быть привередливым в еде; единственное, чего не хватало ему в здешней пище, – это сырых овощей...

– Вам нравятся горы, мистер Джафар?

– Да.

– Нет ничего прекраснее гор. Здесь не рождаются рабы.

«Рабы рождаются везде, – подумал Макбейн, но вслух произносить не стал. – Восточные люди не так прямолинейны, как мы, но обиды не забывают. И еще – невозможно порой понять, что станет для них обидой, что – нет».

Работа, которую он должен был выполнить здесь, почти завершена. Теперь оставалось только скоординировать все запланированные акции.

И еще – Макбейна тревожило что-то. Он привык доверять собственной интуиции.

Нет, исчезнуть время еще не пришло: в таких вещах, как жизнь и смерть, адмирал не ошибался никогда.

Что же тогда?..

По вечерам здесь становилось очень холодно. Макбейн закрывался в предоставленном ему доме, охраняемом его ребятами, а не местными. Открывал очередную бутылку шотландского виски и пил, пил... У него было одно желание: уснуть без сновидений. Но это как раз и не удавалось. Каждую ночь ему снилась стройная светловолосая американка, искренняя, порывистая, непонятная...

И еще снилось солнце. Яркое, блистающее, оно казалось единственным живым существом в этом мире камней, холода и льда...

СЬЕРРА-БЛАНКА, ШТАТ ТЕХАС, БАЗА ВМС США

Дэвид Брэг прошел в кабинет. Двигался он легким, пружинистым шагом.

Предощущение удачи, предчувствие удовольствия, которое он решил позволить себе этим вечером, – все это делало

его уверенным и сильным.

Майор садится перед компьютером. Набирает шифр-код получателя информации:

«Толстый Том».

На экране появляется личный код Хэлен Джонсон, затем – набор файлов, обозначающих учреждения, откуда поступила информация. Брэг листает их выборочно... ФБР – пусто... Лэнгли – пусто... Только результаты обычных межведомственных проверок. Положительные. И – характеристики. Блестящие. Черт!

Полицейские управления штатов... Калифорния...

Невада... Аризона... Колорадо... Канзас... Небраска...

Пусто.

Нет, так можно листать бесконечно. Брэг меняет режим поиска файлов на тематический. Что здесь?

Ну и начудил же он вчера вечером! Голливуд, выставка кошек, астрологи, китайская медицина... Он листает файл за файлом с неизменным результатом: ни-че-го.

Деньги. На счете Хэлен Джонсон в Соединенных Штатах – триста тысяч семьсот восемьдесят два доллара. Есть еще счет – в банке Мексики. Три миллиона сто пятьдесят восемь тысяч четыреста долларов. Ничего нового. Налог на наследство внесен. Юридические документы имеются. Вся эта информация есть в личном деле Хэлен Джонсон.

Дэвид Брэг чувствует щемящую тоску. Он опять ошибся. Нужно исправить все, пока не поздно... Майор встает, под-

ходит к шкафу. Хорошо, что виски еще осталось. Отличное шотландское виски. Не сравнить с той дрянью, что продают мексиканцы.

До окончания рабочего дня – десять минут... Можно себе позволить расслабиться. Брэг открывает холодильник, смешивает виски с содовой, добавляет лед. Пробует, удовлетворенно кивает. Возвращается к компьютеру. Да, дело – полная безнадега. Ему, Дэвиду Брэгу, стоит все бросить к чертовой матери, составить рапорт о причинах допущенной им ошибки при оформлении запроса и допуска, укатить в здешний «квартал любви» и выпить там до галлюцинаций...

Только не одному, а с приятным смуглым мальчиком...

Единственное, что заставляет майора оставаться у компьютера, так это врожденная дотошность и педантизм. Раз уж начал, дело нужно довести до конца.

Выйти на результат. Все равно какой – положительный или отрицательный. Важно добиться определенности.

На экране появились новые названия файлов. «Фотовыставки», «Модели», «Игорный бизнес». Ничего особенно не ожидая, Брэг нажимает «ввод». На мониторе возникает фотография. Брэг замирает в кресле. Обильная испарина выступает на лбу...

Такой удачи он даже представить себе не мог!..

Хэлен Джонсон чувствует себя уставшей. И измотанной. Вопрос, над которым она работает весь последний месяц, кажется жестким и неподатливым, как грецкий орех. И реше-

ние где-то рядом, нужна лишь какая-то деталь, и все наверняка станет ясным, сложится в простую картинку. И тогда – можно будет действовать.

Просто она смотрит на проблему не под тем углом. Нужно найти другую перспективу, посмотреть на события как бы со стороны; когда находишься внутри дома, нельзя увидеть его целиком. А это как раз то, что ей сейчас совершенно необходимо: увидеть вопрос со стороны и целиком. Наверное, нужно просто встряхнуться. Укатить куда-нибудь на уик-энд с добродушным веселым парнем...

Может быть, это выход. Сержант Эдвар Хейг посматривает на нее давно... И нельзя сказать, что Хэлен его взгляды совершенно не замечает. Завтра суббота. Наверное, стоит поступить именно так.

Зуммер внутреннего телефона звучит резко. Девушка инстинктивно смотрит на часы. До конца рабочего дня – две минуты. Снимает трубку.

– Сержант Джонсон... – Голос майора Брэга гундос, словно у него полипы в носоглотке.

– Да, сэр... – Как всегда, слово «сэр» дается Хэлен с трудом.

– Я попросил бы вас задержаться сегодня. Вы мне будете нужны.

– Хорошо, сэр. Мне пройти к вам в кабинет?

– Пока нет. Я вас вызову.

Связь прервалась.

Интересно, что нужно этому грязному педикю? И вчера, и сегодня он дефилировал по коридорам в изрядном подпирании. Любого своего сотрудника капитан Лоурел вышвырнул бы за такие штуки в два счета. А этот майор Брэг – человек «фирмы». В чем-то здорово проштрафившийся, раз его перевели «надсмотрщиком» из центральной конторы в Лэнгли. А может, она ошибается? Этот толстяк с мутными глазами только играет алкаша и педика, чтобы его перестали опасаться?.. По слухам, на прежней работе он «подрезал» не одного профи... В любом случае Лоурел с ним связываться не желает. Она, Хэлен, и подавно.

Ладно, чего мудрствовать... Нужно просто подождать. И отдохнуть, отвлечься.

Хотя бы немного.

Хэлен вставляет в дисковод лазерный диск. Откидывается в кресле. В комнате звучит щемящая и невыразимо грустная мелодия Нино Риччи... Из «Крестного отца».

Эта мелодия часто звучала в их доме. Двадцать лет назад. Ее любил отец.

Тогда он был совсем молод. Тогда он был жив.

Дэвид Брэг смотрит на черно-белую фотографию. Она с какой-то паршивой второсортной фотовыставки на Брайтоне, где русские эмигранты тешат свою теперешнюю никчемность ностальгическими бреднями... На фото – небольшой московский особняк в крохотном переулке в центре русской столицы И еще – три человека. Оператор самостоятельно

произвел двадцатикратное увеличение лиц. Двое мужчин и девочка лет двенадцати. С белым бантом на голове. Один из мужчин одет в свитер свободной вязки широкие брюки. В углу рта зажата папироса. Он высок, плотен и, должно быть, очень силен. Его личность идентифицировать не удалось, хотя Дэвид Брэг перерыл все возможные картотеки и архивы. А вот другой. Очень большого полета птица... Бывший заведующий особым отделом ЦК КПСС. Отдел курировал специальные исследования и программы Главного разведывательного управления Минобороны и КГБ СССР контролировал подчиненные этим ведомствам научно-исследовательские заведения; по-видимому отдел имел и собственный штат аналитиков и оперативных работников, включая и профессионалов для специальных акций. После ликвидации СССР отдел исчез не оставив для людей разведки никакой памяти по себе – в виде документов, газетных разоблачений воспоминаний лиц, которые там работали и сделались мемуаристами, вроде скандального гэбэшного генерала Костромина...

Итак... Незнакомец с папиросой в углу рта Рядом – заведующий сверхсекретным особым отделом ЦК КПСС Владимир Сергеевич Подгорский. Между ними – девочка с пышным белым бантом в светлых льняных волосах. Так похожая на стоящего рядом партийца...

Ввод. Укрупнение. Еще. Еще. Похожа? Очень... Справка: «Елена Владимировна Подгорская 1973 года рождения.

В настоящее время местонахождение неизвестно.

Подробную разработку смотри: 388*11/2177-К» Брэг набирает указанный код. Пусто, «фотографий Елены Владимировны Подгорской в возрасте старше десяти лет не найдено».

Ввод. Он, Дэвид Брэг, заставит работать эту безмозглую железяку...

Так. Сведение фото девочки и Хэлен Джонсон. Вероятность – 87 процентов.

Мало. Сведение по параметрам. Запрос в дело Джонсон: полупрофили. Есть. Сведение по параметрам. Лоб... Глаза... Ушная раковина... Губы... Укрупнение... Еще...

Черт, эта русская черно-белая пленка крупнозерниста... Еще... Сведение...

Конфигурация ушной раковины и рисунок губ у каждого человека неповторимы, как отпечатки пальцев... Укрупнение... Сведение...

Есть!

Идентификация!

Дэвид Брэг устало откинулся в кресле. Долил в бокал виски до краев и осушил в три глотка. Эту выпивку он заслужил.

Брэг прикрыл глаза. Ну вот и все. Теперь его жизнь изменится. Совсем изменится.

ХОРОГ, ТАДЖИКИСТАН

Адмирал Макбейн открывает глаза. Смотрит на часы.

Глубокая ночь.

Он бодр, словно не ложился. Он знает, что его разбудило. Острое ощущение опасности.

Адмирал встал, неслышно вышел из комнаты. Все на своих местах. За окном – залитая лунным светом холодная пустыня из льда и камня...

Наверное, просто нервы. Или – приближающаяся старость...

Адмирал налил виски, добавил воды, но немного, едва-едва...

Медленно выпил. Раскурил сигару.

Да, наверное, старость... Пора заканчивать игры в войну... И жить где-то на берегу теплого моря... А рядом – стройная светловолосая жена... И дети...

Никто бы никогда не подумал, что этот сильный, решительный мужчина ночами тоскует о детях, которых у него никогда не было...

Адмирал вытягивается на постели и закрывает глаза. Ему снится солнце, на которое больно смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.